

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

ЧЕРНОЕ
РОЖДЕСТВО

Июня 1920 года.
Загадки Бориса
Ордынцева

Приключения поручика Ордынцева

Наталья Александрова

Черное Рождество

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Черное Рождество / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Приключения поручика Ордынцева)

Дни Белого движения сочтены. Чудом избежав страшной смерти в морской пучине, Борис Ордынцев переправляется в Крым, чтобы исполнить свой боевой долг и, может быть, умереть, сражаясь в рядах Белой армии. Однако его планам не суждено сбыться. В Севастополе Борис встречает полковника Горецкого и снова выполняет его особые поручения. Ему приходится разоблачать членов подполья, бороться со спекуляцией в контрразведке и даже расследовать таинственное убийство. Здесь, в осажденном Крыму, Ордынцев встречает свою любовь...

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Александрова

Черное Рождество

Памяти генералов А.И. Деникина и Я.А. Слащева, поручиков Сергея Мамонтова и Павла Макарова, сестры милосердия Софьи Федорченко и многих других известных и безымянных участников и свидетелей описываемых событий, без чьих бесценных воспоминаний эта книга не могла бы появиться

Часть первая

Севастополь

Поезд, и без того еле тащившийся, испустил тоскливый протяжный гудок и встал. Бородатый казак, дремавший у двери купе, открыл глаза и потянулся за прислоненным к стене карабином.

Бледная девушка в беличьей шубке и каракулевой шапочке прижалась лицом к стеклу, но за окном ничего не было видно, кроме глухой непроглядной ночи. Девушка поправила выбившуюся из-под шапочки пепельную прядь и обернулась:

– Анна Павловна, что это? Кажется, там стреляют!

Анна Павловна, унылая дама средних лет, нервно передернула плечами и сказала низким простуженным голосом:

– Не знаю, ваше высочество. Генерал клялся, что на этой дороге спокойно, но кому сейчас можно верить! О Боже, кажется, я сойду с ума! Степан, посмотри, что там происходит. – Дама повернулась к казаку, но не успел он подняться, она передумала и воскликнула: – Нет-нет, не уходи! Не оставляй нас одних! Если ты уйдешь, я сойду с ума!

Девушка чуть заметно поморщилась и произнесла усталым голосом:

– Анна Павловна, голубушка, если вы так упорно желаете сойти с ума, подождите хотя бы до Ливадии, а там, будьте любезны, сходите. А то, если вы сделаете это в дороге, ко всем нашим неприятностям...

Закончить фразу ей не удалось. Дверь купе откатилась, и на пороге возникла одна из тех страшных личностей, которых в неисчислимом множестве произвела на свет Гражданская война. Небритый человек с рассеченным косым шрамом опухшим лицом, украшенным к тому же сифилитическим провалом на месте носа, облаченный в перепоясанную пулеметной лентой барскую шубу, разодранную и простреленную во многих местах, оглядел купе и гнусаво протянул:

– И-и-их! Буржуйская лавочка! Сразу видать – белая кость, твою так и разэтак! Едут втроем, как графья. А ну, выкладывай вещички, икспро... прияцию делать будем!

Бородатый казак, неожиданно взревев, бросился на бандита с кинжалом, но безносый урод чуть повернулся к нему, сквозь шубу страшно шарахнуло огнем, оглушительно грохнуло, и казак с огромной kloкочущей дырой в груди рухнул прямо на колени истошно завизжавшей Анны Павловны.

Безносый вытащил из-за пазухи свое чудовищное оружие – обрубок винтовки с отпиленным стволом и прикладом – и осклабился:

– И-и-их! Так и разэтак! Ты что, шкура, думаешь, Махрюту возьмешь за рубль за двадцать? Ша! А ты чего визжишь, кляча? – уставился он на заходившуюся криком Анну Павловну. – Думаешь, Махрюта до твоего крику сильно интересуется? Ша! Сказано тебе – выкладывай вещички!

Бандит пыхнул на старую деву дикими горящими глазами, как выползающий из туннеля паровоз, и так страшно клацнул зубами, что Анна Павловна мгновенно замолчала и уставилась на Махрюту, как дрожащий кролик на приподнявшуюся для броска ядовитую змею.

– Ну и чего ж ты так смотришь, кляча белая? – прогнусил Махрюта, стаскивая на пол купе, как мучной куль, мертвого казака и протягивая к своей жертве грязную волосатую лапу. – Или я тебе непонятно сказал? Может, ты только по-хрэнцюзски понимаешь? Сказано же – вещи выкладывай! Или я об них должен свои трудовые руки пачкать!

Анна Павловна только тряслась и пыталась что-то сказать, но язык ей не повиновался.

– Ох, и утомила ты меня! – Махрюта снова клацнул зубами и неожиданно ударил несчастную кулаком в висок. Голова Анны Павловны откинулась в сторону и застыла под недопустимым углом к туловищу, как у сломанной куклы.

Девушка у окна тихо ахнула и вжалась в стенку. Бандит повернулся к ней и осклабился:

– Ты, мамзеля, не бойсь! Я тебя не забижу! Ты Махрюту по-хорошему полюбишь, и Махрюта тебя не тронет...

По коридору протопали быстрые шаги многих ног. В дверь купе заглянула какая-то зверообразная физиономия, бросила неожиданно высоким голосом:

– Махрюта, кончай здесь, казаки валят!

– Чичас, – отмахнулся Махрюта и снова повернулся к девушке: – Видишь, мамзеля, спешить надо, а то не успеем мы с тобой.

– Лучше убей, – твердо произнесла девушка, бледнее больше прежнего.

– Это запросто, – произнес Махрюта, хватаясь за воротник беличьей шубки, – это мы всегда с нашим удовольствием, только сперва ты меня полюбишь...

С этими словами он рванул шубку. Девушка пыталась защищаться, но силы были явно неравны. Махрюта разорвал воротник скромного темно-зеленого платья... и вдруг увидел спрятанный под платьем на груди своей жертвы мешочек из мягкой синей замши. Мысли бандита мгновенно изменили свое направление.

– И-и-их! Вот оно что! Золотишко от Махрюты припрятать хотела, так твою и разэтак!

Он разорвал шнурок, на котором висел мешочек, и потянул завязки. Изнутри полилось такое сверкание, что бандит, кажется, даже посветлел лицом.

– И-и-их! – произнес он умиротворенно. – Вот ведь так твою...

Закончить он не успел. Неподалеку шарахнуло несколько выстрелов, по коридору грохотали сапоги, от двери полыхнуло, и вслед за выстрелом на пороге возник человек в белом полушубке с погонями.

Махрюта немного подумал и рухнул на пол мертвым, отбросив в сторону руку с синим мешочком.

– Прапорщик Макаров! – представился человек в полушубке, разглядев бледную пассажирку. – Вы не пострадали?

– Слава Богу! – Девушка опустилась на сиденье, и ее забила крупная дрожь. – Слава Богу! Он убил Степана и Анну Павловну, а меня он хотел... он хотел... Слава Богу, что вы успели, прапорщик! Кто это был – бандиты? Зеленые?

– Бандиты, – равнодушно ответил прапорщик. Его взгляд был прикован к синему замшевому мешочку. Прапорщик наклонился, поднял мешочек и заглянул в него. – Это ваше? – спросил он, подняв на девушку печальный взгляд маленьких, близко посаженных глаз.

– Да, а что? – В голосе девушки снова прозвучал испуг: взгляд прапорщика ей очень не понравился.

– Да нет, ничего... – Макаров быстро, воровато выглянул в коридор, затем торопливым, стеснительным движением поднял пистолет и выстрелил в бледную пассажирку.

Глава первая

Серое небо, серое море, штурмовыми отрядами свинцовых волн накатывающееся на мол, серый город Новороссийск, цементный завод, огромный порт. Город сер от пропитавшего все вокруг цемента, сер от тысяч солдатских шинелей.

Здесь, в Новороссийске, в марте двадцатого закончилось отступление Добровольческой армии.

Победоносная летом и ранней осенью девятнадцатого года, занявшая Курск, Орел, едва не дошедшая до Москвы, утратившая в бесконечном отступлении по зимним степям, по непролазной кубанской грязи тысячи солдат и офицеров, тысячи лошадей, сотни орудий, утратившая боевой дух и веру в победу, потерявшая надежду армия пришла в страшный город Новороссийск, чтобы погрузиться на корабли и переправиться в Крым, удерживаемый против десятикратно превосходящих сил противника Крымским корпусом генерала Слащева. Остальная Россия была потеряна навсегда.

Когда же армия пришла в Новороссийск, оказалось, что для ее эвакуации ровным счетом ничего не подготовлено. Казалось, что эвакуацией никто не руководит. Огромные склады деникинской армии, заполненные полученным от союзников английским обмундированием и медикаментами, французским провиантом, а также боеприпасами, стояли невывезенные, в то время как армия была раздета, необута, голодна, страдала от отсутствия патронов и снарядов. Теперь, когда стало ясно, что вывезти склады уже не удастся, их подожгли, чтобы не оставлять красным. Огромный столб пламени поднимался к небу, дым сносило норд-остом в море. Мародеры прорывались через охранение, перелезали бетонную стену и вытаскивали из огня что попадалось под руку.

Дюжина пароходов стояла возле пристани, набитая до отказа беженцами, служащими тыловых учреждений и интендантств. Пристани были заполнены тысячами людей, пытавшихся пробиться на пароходы. Чуть дальше в Новороссийской бухте стоял военный флот западных держав – несколько крупных английских судов, одно французское, одно итальянское и даже одно американское. Этот флот мог бы взять на борт всю армию, но он лишь присутствовал как зритель, только под конец суда приняли, чтобы соблюсти приличия и вместе с тем не испачкать палубы, около шестисот человек.

Лазареты были переполнены ранеными и больными, у которых не было совершенно никаких шансов на спасение.

Регулярные войска сохранили еще дисциплину и боеспособность, казаки же растеряли свои части, многие побросали по дороге оружие и были совершенно деморализованы.

Пароходы вполне могли сделать несколько рейсов, выгружая беженцев в Керчи и возвращаясь обратно, но вместо этого они несколько дней неподвижно стояли у пристаней, перегруженные народом, ожидая приказов невесть от кого.

Сохранивший строй и порядок Первый армейский корпус генерала Кутепова¹ разместили фронтом на окружавших город возвышенностях.

Борис Ордынцев смотрел с высоты на серый город, на свинцово-серую бухту, на приткнувшиеся у причалов переполненные беженцами пароходы, на военные корабли «союзников», красующиеся на рейде во всем высокомерии своей чистоты и силы, еще больше подчеркивая азиатское безобразие обреченного города, обреченной армии; смотрел на горящие ангары складов, на полосу сизо-черного дыма, ползущего на бухту, и вспоминал.

¹ Кутепов, Александр Павлович (1882–1930) – белогвардейский генерал от инфантерии, участник русско-японской и Первой мировой войн, полковник. В Добровольческой армии начал с командира роты. После взятия белогвардейцами Новороссийска – черноморский генерал-губернатор. В 1919 году командовал Первым армейским корпусом, затем Первой армией Врангеля. С ноября 1920 года в эмиграции.

Он припомнил лето девятнадцатого года, когда он приехал в Крым в поисках сестры – приехал вчерашним студентом, утратившим, конечно, довоенную розовую наивность на кровавых и огненных дорогах Гражданской войны, но еще сохранившим штатскую интеллигентскую мягкость и нерешительность.² Попад в водоворот событий, Борис необычайно изменился. Опасные приключения среди греческих контрабандистов и турецких шпионов, в Крыму и в Батуме, перековали его, сделали человеком действия. И больше всего повлияла на судьбу Бориса встреча с таинственным полковником Горецким, прежним его преподавателем на юридическом факультете Петербургского университета, теперь выполняющим специальные поручения Военного отдела Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР.³

После благополучного завершения событий в Батуме и Феодосии Борис вступил в Добровольческую армию в чине поручика, с тем чтобы состоять при полковнике Горецком офицером для особых поручений. Полковник убедил его, что таким образом Борис принесет большую пользу, чем просто сидя в окопах, к тому же больше возможностей было искать сестру, сгинувшую в водовороте Гражданской войны. Горецкий полусуто утверждал, что взять Бориса на службу его подвигла потрясающая везучесть бывшего студента. Не имея, казалось, на первый взгляд никаких особенных талантов, Борис умел выходить живым из любых, самых отчаянных передраг.

Пришлось, однако, скинуть чистенький мундир штабного офицера и пойти в конный рейд против Махно.⁴ Этого требовало дело. Борис выдержал и это испытание, хотя побывал в плену у красных и у махновцев. Сестра Варя отыскалась чудом, и полковник Горецкий помог ей уехать в Константинополь, потому что молодой девушке не место было среди солдат и казаков.

Борис снова оглядел серое равнодушное море. Эти волны бегут безостановочно вдаль, как бежали белые от Орла до Новороссийска, они бегут, верно, до самого Константинополя, и, может быть, Варя смотрит сейчас на это же море с берега бухты Золотой Рог... Борис страшно тосковал по ней, но еще оставался Крым – последний кусок России, не отданный большевикам, а значит, не время еще плыть в Константинополь. Долг и честь требуют от каждого честного русского человека до последней возможности защищать Родину...

– Что, Борис, глядишь? – окликнул его старый друг Петр Алымов. – Ничего хорошего не выразишь.

Борис встревожился, услышав его голос, – такое в нем было отчаяние. Петька Алымов – друг детства, почти брат, с чьей конно-горной артиллерийской батареей он отступал всю зиму по непролазной кубанской грязи, через Дон и дальше. Петька Алымов – второй человек после Вари, для кого Борис не думая пожертвовал бы всем. Он вспомнил, как вытаскивали орудия из топи, как вставали они с Петром ночью, чтобы накормить лошадей, потому что измученные солдаты на ночлеге просто валились на пол и засыпали не раздеваясь.

Батарея пришла в Новороссийск почти в полном составе, орудия были вполне боеспособны, а солдаты относительно здоровы, хоть и отощали и обносились. И вот оказалось, что все их усилия были напрасны. Нечего было и думать вывезти лошадей, не говоря уже об орудиях.

– Все, точка, – мрачно пробормотал Алымов. – Дошли до моря, и никто нас здесь не ждет.

– У меня такое чувство, что эвакуацией никто не руководит, – осторожно начал Борис. – Красные не сегодня-завтра будут в городе, и что с нами будет?

Ответом ему было тяжелое молчание. Борис уныло думал, что, кажется, его хваленому везению пришел конец. Действительно, его ангел-хранитель хорошо потрудился за последние два года. Он не дал Борису умереть от тифа, он помог спастись от расстрела красных, Бориса не убило в бою, его не зарезали бандиты в украинских степях, но здесь, в Новороссийске,

² См. роман «Батумский связной».

³ Вооруженные силы Юга России.

⁴ См. роман «Волчья сотня».

слишком самонадеянно было бы сидеть и ждать, когда ангел-хранитель придет на помощь, следовало позаботиться о себе самому.

– Однако надо бы сходить в порт, узнать подробнее, – нерешительно проговорил Борис.

Алымов согласился. Верный Ахилл встретил Бориса голодным ржанием. Борис погладил жеребца по крупу и отвел глаза. Он боялся, что конь прочтает в его глазах о неизбежном расставании.

Вблизи порт производил еще худшее впечатление. Ничего они не выяснили, не нашли никого, кто бы смог им объяснить, откуда возьмется транспорт для эвакуации армии. Обратно ехали молча вдоль высокой бетонной стены, где находились горящие ангары. Какие-то люди перелезали в удобном месте через стену, держа свертки с обмундированием. У Алымова презрительно задергалась щека. Борис хотел было послать Ахилла вперед, чтобы не видеть окружающего безобразия, но тут вдруг буквально на него свалился с забора невысокого роста плотненький такой солдатик. В руках у солдатика было три пары отличных офицерских сапог. Приземлившись неудачно на бок, солдатик охнул, поудобнее перехватил свою ношу и завертел по сторонам круглой головой. Краем глаза уловив знакомое движение, Борис придержал жеребца, а солдатик уже поднимался с места, радостно вопя:

– Ваше благородие, Борис Андреич! Да как же я рад!

В ту же минуту Борис соскочил с лошади, не менее радостно приговаривая:

– Саенко, дорогой! А я-то как рад тебя видеть!

Перед ним стоял бессменный ординарец и денщик полковника Горецкого Саенко, который в прошлом не раз выручал Бориса из беды.

– Ты, Саенко, как здесь? А где же Аркадий Петрович?

– Тут мы, тут, – Саенко понизил голос, – на французском миноносце. «Сюркуф» называется. Вон он в стороне на рейде стоит.

– Что же полковник Горецкий там делает? – Алымов неприятно усмехнулся. – В одиночку спасается?

– Дела у него там. – Саенко отвернулся.

– Все дела и дела, – вздохнул Борис. – Понаделали делов, что всю армию профукали. Это же черт знает что творится!

– Истинно так, – опять зашептал Саенко, оглядываясь, – такое делается, что не приведи Господи... Тыловики первые на пароходы сели, да еще и с барахлом своим. А солдатики... – Он погладил Ахилла по светлой гриве: – Эх ты, коник золотой, как же ты теперь будешь...

Ахилл, будто поняв человеческую речь, встревоженно повел ушами и покосился на Саенко коричневым глазом. У Бориса кольнуло сердце: решать, что делать с Ахиллом, придется в самое ближайшее время.

– Что скажу, – продолжал Саенко вполголоса, – если хотите выбраться, то на союзников не рассчитывайте. Аркадий Петрович чуть в ногах не валялся – просил хоть сколько военных на борт взять. Англичане, сволочи, сразу отказали, а французский капитан ни мычит ни телится, но мы его добьем. Есть одна идея, я как раз по этому делу в город и пришел...

– Вижу я, по какому ты делу. – Борис указал на сапоги, что Саенко прижимал к груди.

– А чего ж? – не смутился тот. – Не пропадать же добру. А вот, кстати, Борис Андреич, возьмите, впору они вам будут.

Борис посмотрел на отличные сапоги и на свои растоптанные солдатские бахилы и согласился.

– Что, Саенко, безнадежное это дело – на пароход сесть? – спросил Алымов. – Что ж, так здесь и ждать красных?

– Никак нет, – теперь Саенко и вовсе понизил голос, – завтра прибудет судно, «Аю-Даг» называется. С последнего пирса грузится будет. Это последний ваш шанс, а уж если никак не

выйдет – тогда до «Сюркуфа» как-нибудь добирайтесь вдвоем, полковника Горецкого спросите.

– Ты что же это мне предлагаешь? – разъярился Алымов. – Да как же я могу своих солдат бросить? – Он схватил Саенко за гимнастерку и начал трясти.

– Остынь, Петр! – Борис оторвал его руки. – Не время сейчас...

– Эх, ваше благородие! – огорченно произнес Саенко, отряхиваясь. – За что вы на меня то зло таите? Я, что ли, виноват, что все прахом пошло?

– Иди уж с Богом, – вздохнул Борис, – авось еще свидимся...

В утренний час трактир был пуст и темен. Не было еще никого из обычных его посетителей, тех странных и подозрительных личностей, которые и в годы «сухого закона» изыскивают себе вожака, и в годы Гражданской войны не думают ни о чем, кроме заветного пьяного отупения.

По стенам трактира висели портреты никому не ведомых генералов и монархов, намалеванные твердой решительной рукой прохожего живописца, да зеркала, украшенные паутиной и пауком, спускающимся на грязную салфетку.

Еще вчера на видном месте среди сказочных и баснословных генералов висел большой олеографический портрет Антона Ивановича Деникина, но сегодня, ввиду неудачных обстоятельств на фронте, содержатель заведения почел за лучшее Деникина убрать до лучших дней и подумывал, не поступить ли так же с остальными портретами – хотя и неизвестные, а все ж таки генералы...

Сам содержатель внушительной громадой возвышался за стойкой своего заведения, что было не совсем обыкновенно: в такой ранний час вряд ли он мог ожидать больших барышей. И правда, только один тщедушный субъект, одетый в какую-то рваную хламиду, не похожую ни на какой предмет одежды, надеваемой обыкновенным человеком, успел уже нализаться до полного бесчувствия и спал за одним из дощатых столов, изредка вздрагивая во сне и испуская тоненький жалобный стон, какой издают иногда сквозь сон небольшие собаки.

Видно было, что хозяин заведения кого-то поджидает – он все к чему-то прислушивался, да нет-нет и взглядывал в маленькое, сильно закопченное и запачканное оконце.

Наконец ожидание его увенчалось успехом: в окошко кто-то чуть слышно постучал костяшками пальцев определенным, условным и заговорщицким, стуком.

Хозяин поспешно бросился к двери и впустил в трактир невысокого, но крепкого и широкоплечего человека в белом перепоясанном полушубке и лихо заломленной каракулевой кубанской папахе.

– Ну что? – спросил гость, оглядываясь. – Ждет ли?

– Сейчас кликну, – отвечал хозяин, поворачиваясь к внутренним помещениям.

– А это еще что за личность? – подозрительно взглянул гость на спящего пьянчужку.

– Дак, извольте видеть, пьянь подзаборная, – любезно рекомендовал хозяин своего неказистого клиента.

– Ты... это... выкинь его от греха.

– Не извольте беспокоиться. – Хозяин ослабил, прихватил спящего забулдыгу одной рукой за шкурку, как кошка хватается своих слепых детенышей, подволок его без видимого усилия к двери и безжалостно выкинул в подтаявший мартовский снег. После этого он снова повернулся к внутренним покоям и довольно громко окликнул: – Ваше благородие! К вам прибыли-с!

Откинулась занавеска, закрывавшая вход в заднюю комнату трактира, и на свет вышел высокий человек, до глаз закутанный в черную, косматого меха, бурку, незаметно переходящую в такую же косматую черную папаху. Единственное, что можно было разглядеть в полутьме заведения, были его яркие выразительные глаза.

– Ну что, привезли? – спросил этот новый персонаж у гостя в полушубке. – Какие там новости?

– Товарищ Макар очень торопит. Теперича скорей надо мятеж поднимать, пока вся эта белая сволочь в Крыму не обжилаась да не закрепилась.

– Это да, это да... – отмахнулся человек в бурке как от чего-то не важного. – Ты говори, привез ли от Макара что обещал?

– А как же ж... Вот, от товарища Макара гостинец. – Гость показал объемистый и тяжелый по виду замшевый кошель. – А где оружие?

– Сейчас-сейчас, будет тебе оружие. – Человек в бурке протянул руку к замшевому мешочку.

– Э нет, – гость попятился и волшебным невидимым движением создал в своей руке черный вороненый «маузер», – чтой-то мне, товарищ, твои ухватки не нравятся. Покажи-ка ты мне сперва оружие, а потом уж за кошель хватайся.

– Ничего-ничего, – закивал человек в бурке, осторожно наступая на гостя и вместе с тем делая глазами какие-то знаки стоящему позади гостя хозяину трактира.

Гость отпрыгнул и развернулся, переводя «маузер» в сторону второго противника, но трактирщик уже, бешено вращая глазами, опускал на него огромный мясницкий топор. Несчастный не успел ни выстрелить, ни увернуться, только немного отстранился, и широкое лезвие топора, скользя по каракулю папахи, глубоко рассекло плечо, едва не начисто отрубив правую руку.

– Ах ты, профитроля... – приговорил трактирщик, снова поднимая топор, – врешь, не уйдешь, куда ж ты без руки...

Кровь из разрубленного плеча пульсирующим потоком хлынула на белый полушубок. Раненый закачался, глаза его затянуло смертной поволокой, но трактирщик, не останавливаясь на полпути, снова опустил топор, с отвратительным треском раздвоив череп, и радостно примолвил:

– Ух, пустим кровушку на волюшку!..

Безжизненное тело мешком грянулось на грязный пол трактира.

Трактирщик оглянулся на человека в бурке и с суетливой озабоченностью в голосе сказал:

– Сейчас. Приберем тут маленько... а то кровь, грязь, мало ли кто зайдет...

Он притащил рогожу, закатал в нее труп, подтер краем этой же рогожи кровавые сгустки с пола. Подхватив ужасный сверток, взвалил его как пушинку на плечо и пошел к выходу.

– Давай помогу тебе. – Человек в бурке шагнул следом. – Куда ты его понесешь? Не увидит ли кто?

– Да здесь об эту пору никого не бывает, – усмехнулся трактирщик, – да и то подумают – мало ли что несут?

Вдвоем вышли они из трактира. На улице и впрямь не было ни души – узкая грязная улочка заканчивалась возле трактира и далее переходила в почти непроходимую тропку между двумя возвышенностями, скорее напоминающую глухой овраг. Трактирщик легко шагал этой тропой, как перышко неся свою страшную ношу, человек в бурке едва поспевал следом.

Неподалеку от трактира тропа вывела их к широкому ручью с большой черной полыньей. Трактирщик размахнулся и сбросил сверток в быструю ледяную воду.

– Тут тебе самое и место, – проговорил он с кривой разбойничьей ухмылкой.

– И тебе, – лаконично добавил человек в бурке, выстрелив в затылок своему дюжему спутнику.

Трактирщик изумленно обернулся к убийце, хотел ему что-то сказать, но пуля снесла ему всю нижнюю челюсть и превратила лицо в кровавое месиво. Выпустив фонтан темной густой крови, трактирщик тяжело покачнулся, рухнув в полынью вслед за своей не остывшей еще жертвой.

Человек в бурке спрятал «наган» за пазуху. Вдруг внимание его привлек какой-то новый звук. Повернувшись, он увидел, что из-за края горки, возвышающейся над тропой, выглядывал человек. «Наган» снова оказался в руке... но никого уже не было видно, и убийца засомневался даже, не померещилось ли ему лицо над краем оврага.

На следующее утро дивизион, в который входила конно-горная батарея, пошел в сторону порта. Ехали как могли быстро, не глядя по сторонам, обгоняя повозки с беженцами и пеших людей. Дорога проходила мимо лазарета. Раненые офицеры на костылях стояли на пороге и умоляли взять их с собой. Борис сжал зубы и отвернулся. Куда они могли взять беспомощных людей, если сами не знали, попадут ли на судно.

– Не эвакуировать раненых! Пусть тот, кто это сделал, вечно горит в аду! – прошипел Алымов сквозь стиснутые зубы.

Борис только выругался, кипя от бессильной злобы. Показалась пристань. Молча прошли к последнему пирсу. Они опоздали. Судно «Аю-Даг» пришло ночью, его уже успели загрузить людьми. На палубе было темно от народа, громоздились узлы, баулы, какие-то ящики.

Командир дивизиона полковник Никифоров спешил и скомандовал:

– Распрягай! Лошадей оставляем здесь. Орудия испортить!

Молча сняли с орудий прицелы и замки, прицелы разбили, замки выбросили в море, чтобы красные не могли воспользоваться брошенными пушками.

– Расседлайте и разнуздайте! Кто может – пристрелите. Но седла возьмите с собой, они нам пригодятся.

Этот приказ артиллеристы выполнили с сердечной мукой. Ездовые, вчерашние крестьяне, со слезами на глазах прощались с упряжными лошадьми. Борис обнял за шею игреневого Ахилла, тот скосил выразительный карий глаз и горестно заржал. Борис расседлал его и подвел к калитке заброшенного сада. Там пробивалась зеленая травка и был бассейн с водой.

– Оставайся, дружище, отдохни от походов! Уж тебе-то красные ничего не сделают!

Ахилл упирался и не хотел оставаться, Борис обнял его за шею и поцеловал в теплую морду, чувствуя, что слезы набегают на глаза. Он терял верного товарища, который не раз выносил его из боя, спасая жизнь.

С седлами на плечах прошли по пристани к пароходу. На сходнях стоял матрос с ружьем, а возле две подводы, заполненные ранеными. Лошадь первой подводки держала под уздцы высокая женщина в белой косынке с красным крестом и накинутом коротком полушубке.

– Вы должны взять раненых, – монотонно повторяла сестра, – их нельзя оставлять красным на верную смерть.

– Отойди! – крикнул матрос и вскинул винтовку.

Капитан корабля взял в руки рупор и крикнул в сторону берега:

– Я больше не могу никого взять! Нет места!

– Господа артиллеристы! – повернулась к ним сестра, и Борис понял, отчего у нее такой монотонный голос – она еле держалась на ногах от переутомления. – Господа, сделайте что-нибудь! Нельзя же бросить здесь, на пристани, беспомощных раненых!

Полковник Никифоров сложил руки рупором и крикнул капитану парохода голосом, которым перекрывал в бою артиллерийскую канонаду:

– У меня шестьдесят артиллеристов и десять раненых! Вы их всех возьмете, даже если места нет!

– Невозможно! Судно перевернется!

– Вы нас возьмете! – повторил полковник решительно. – Если мест нет, сейчас они появятся. Штабс-капитан Алымов!

Алымов снял со спины свой карабин и шагнул в сторону. Тотчас артиллеристы его батареи подняли свои карабины и встали вокруг Алымова. Вместе они представляли внушительную силу.

– Даю три минуты на размышление! Потом будем стрелять! – с холодной яростью выкрикнул Никифоров. – У вас на пароходе всякая тыловая сволочь, из-за которой мы проиграли войну, вы их увозите, а солдат, которые проливали свою кровь, оставляете на верную смерть!

Прошла минута, и капитан прокричал:

– Людей возьмем, только без багажа. И подождите немного. – Он направил рупор в сторону палубы и рявкнул: – Всем выбросить багаж в море! Передавать осторожно, а то перевернемся! И никакой паники!

Поднялся крик, ошалевшие штатские цеплялись за свои пожитки, не понимая, что могут потерять жизнь. Капитан, которому все надоело, крикнул, что в нарушителей приказа будет стрелять.

Вот завизжал кто-то в пенсне истерично, крича, что не имеют права отбирать вещи. Растрепанная дама с безумными глазами вцепилась матросу в лицо, тот охнул. Толпа волной качнулась в сторону, пароход накренился, тот, в пенсне, вдруг выхватил револьвер, крича уже вовсе что-то несуразное... Но грянул выстрел – это капитан выполнил свою угрозу. Штатский в пенсне кулем рухнул на палубу. Толпа застыла в молчании.

– Я же предупреждал – без паники! – рыкнул капитан.

Молча протиснулись сквозь толпу два матроса и выбросили труп в море. Затем процесс выбрасывания узлов и чемоданов пошел как по маслу. Люди на палубе передвигались в общем трансе.

– Выбросить седла, но оставить карабины! – распорядился на пирсе Никифоров. – Сначала передаем раненых!

Беспомощных людей переносили по сходням и передавали на руки матросам, а потом они плыли над палубой, поддерживаемые толпой. Борис прикоснулся к руке медсестры и заглянул в бездонные от усталости глаза, обведенные черными кругами.

– Позвольте, я помогу вам перебраться на пароход.

– Нет-нет, – встрепенулась она. – Я должна вернуться! Там остались еще люди! Мое место рядом с ними!

Борис переглянулся с Алымовым. Они поняли друг друга без слов: погрузка будет идти долго, за это время они успеют обернуться еще раз до лазарета и обратно. Борис подхватил на руки медсестру и понес ее по сходням.

– Мы съездим туда сами и вернемся, – прошептал он, прижимая к груди легкое, почти невесомое тело, – я вам обещаю...

В стороне Туапсе застрекотал внезапно пулемет.

– Красные! Отрезали дорогу по суше! – пронеслось по толпе.

– Мы успеем! – выдохнул Борис и передал сестру в руки матросу с парохода.

На бегу обернувшись, он заметил, как она сотворила в воздухе крест. Алымов уже сидел на подводе. Борис хлестнул лошадей и погнал их обратно к лазарету.

Глава вторая

Еще издали увидев здание лазарета, Борис понял, что они возвратились напрасно: лазарет был пуст. Никого не было на крыльце, никто не выглядывал в окна. Видимо, какая-то войсковая часть сжалась над ранеными и взяла их с собой. Подъехав ближе и убедившись, что никого не осталось, Борис развернул лошадей и погнал их обратно к порту, чтобы не прозевать отправку.

Не успела телега отъехать от лазарета, как по улице хлестнула пулеметная очередь. Борис привстал и крикнул, подгоняя лошадей, но пулемет шпарил не переставая. Одна из лошадей упала в оглоблях, телега остановилась. Борис с Алымовым скатились на землю и побежали зигзагами, пригибаясь к земле и оглядываясь в поисках укрытия.

Завернув за угол, они столкнулись с большой группой безоружных казаков.

– Драпай, драпай, ваши благородия! – истошно закричал один из донцов. – Красные велят!

Борис поднял карабин, но окружавшие казаки заслоняли от него цель, не давали развернуться, а с верхнего конца улицы катились галопом под горку кавалеристы в буденовках.

– Ходу, ходу! – кричал Алымов, но плотная толпа казаков, растерянно топчась на месте, гасила всякое движение, офицеры увязли в ней, как в болоте, да бежать уже было и некуда – с одной стороны катила красная конница, а с другой – хлестал уже не один пулемет.

Красные наехали на толпу, тесня казаков конями. Борис передернул затвор карабина, но соседний казак уставился на него огромными от ужаса желтыми глазами и вырвал из рук оружие, рывкнув:

– С ума сошел, золотопогонник! Тут тебя и кончат!

– Можно подумать, тебя пожалеют! – огрызнулся Борис.

– А что они мне сделают? Мы люди простые, – ответил казак и испуганно перекрестился.

Толпа становилась все больше – красные сгоняли в одну кучу не успевших погрузиться на корабли.

Борис нашел Алымова и пробился к нему.

Красные, тесня конями и охаживая крайних плетью, погнали все это человеческое стадо вниз, к морю. Скоро, приподнявшись на цыпочки и взглянув над головами соседей, Борис увидел бухту и спешно уходящие от берега последние пароходы. У самой пристани красные артиллеристы снимали с передков и устанавливали в боевое положение трехдюймовое орудие. Возле горизонта виднелись силуэты торопливо удирающих английских крейсеров.

Борис злобно сплюнул.

– Сволочи союзнички! – проговорил Алымов, перехватив его взгляд.

Красные, подогнав толпу пленных к краю дебаркадера, спешили, поставили пулемет, направили его на толпу и занялись какими-то непонятными приготовлениями. Спустя несколько минут смысл их действий стал ясен, и над толпой поднялся глухой стон ужаса.

– Что же они делают? – пробормотал сосед Бориса, тот самый казак с белыми от страха глазами.

– В море топить будут, – прошептал Алымов одними губами, – патронов им на нас жалко. Вот попали-то мы, Борис. А все ты, захотел перед сестрицей себя героем показать!

– Что-то я вас, штабс-капитан, не узнаю, – угрюмо ответил Борис. – Нечего причитать – снявши голову, по волосам не плачут.

Сбоку дебаркадера притулилась старая проржавевшая баржа. С ней-то и были связаны приготовления красных. Распорядился красноармейцами командир в папахе с красной лентой и ладно пригнанном кожаном, отороченном мерлушкой.

– Завальнюк! – крикнул он зычно.

И тотчас явился на зов сутулый детина с мотком веревки. Он деловито разматывал веревку, оглянулся на толпу, прикинул что-то, причем работа мысли явственно отразилась в его глазах, затем взял принесенный с веревкой топор, примерился и начал рубить веревку на равные куски.

– Однако коротко будет, – озабоченно произнес маленький белобрысый красноармеец, суется вокруг.

– Не будет, – Завальнюк прервал свою работу и оглянулся на безмолвную толпу, – а ты не мешай, отойди от света-то, не засти...

И от такого будничного его разговора толпа пленных пришла в еще больший ужас, потому что поверила в реальность происходящего.

– Вона что, – выдохнул дюжий казак справа от Бориса, – вона как дураков учат. – И, перехватив недоуменный взгляд Алымова, пояснил: – Давеча агитатор к нам приходил от красных, листовки принес. А в них сказано, что, мол, братья-казаки, бросайте оружие, выходите сдаваться, ничего, мол, вам не будет, отпустят домой, – он покопался в кармане, – нет, потерял я ее где-то, листовку эту. А сегодня чуем – дело плохо, мы и поперли как бараны сдаваться, оружие бросили. А они, значит, вон что задумали... Чужало мое сердце, что наврут, уж больно подлый агитатор был... чернявенький, глазки бегают. Его бы за ноги да головой об стенку... А наши дурни уши развесили: войне конец! Амнистия будет! Вот и дождались...

Красноармейцы принесли откуда-то две широкие доски и положили их в качестве сходней с пристани на баржу. Четверо встали по бокам сходней: двое на барже, двое на пристани. Завальнюк закончил свое дело, и командир закричал зычно:

– Выходи по двое, казаки!

Бах! – раздался выстрел в центре толпы. Красноармейцы мгновенно вскинули винтовки. Бах! – еще выстрел. Но никто из красных не пострадал.

– Что еще? – крикнул командир.

– Офицеров двое застрелилось, – крикнул из толпы пленных угодливый голос.

– Туда им и дорога, – облегченно вздохнул командир.

– У тебя «наган» есть? – прошептал Алымов.

– Нет, – так же шепотом ответил Борис. – И карабин потерял.

– А у меня ни одного патрона, – вздохнул Алымов. – Даже застрелиться не могу. Так и бросят нас в воду, как баранов связанных.

Между тем красноармейцы штыками отогнали от толпы двоих казаков. Один пробовал сопротивляться, его угостили прикладом в зубы. Завальнюк и еще один ловко связали их за локти спина к спине, а маленький и белобрысый суеился рядом, разглядывая сапоги – вечную проблему бойца на войне. Сапоги у казаков были сношенные, и белобрысый огорченно поцокал языком.

Дальше дело у красных пошло на лад. Под пулеметом толпа застыла обреченно, хотя все понимали, что впереди тоже смерть, еще более мучительная, в ледяной воде. Завальнюк с напарником споро вязали пленников, как будто делали обычную крестьянскую работу. Пытавшихся сопротивляться белобрысый, стоявший наготове, тут же бил прикладом по голове, так что человек оседал сразу, теряя сознание на время. В толпе стоял глухой стон, пару раз началось какое-то движение, но тут же командир кричал: «Костя, давай!» – и пулеметчик пускал очередь – короткую, потому что берег патроны. Раненые и убитые падали на землю, Борис не сомневался, что их потом тоже подберут и бросят в море.

Маленький белобрысый красноармеец хозяйственным оком высматривал целые сапоги и заставлял смертников разуваться. Вот пришла очередь того самого казака, что вырвал у Бориса карабин и кричал, что им, простым людям, ничего не будет. Он совершенно помешался от страха, ноги его подгибались, он полз на коленях и все порывался целовать солдатские ботинки, крича:

– Ребятюшки, родненькие, пощадите! У меня детки малые дома остались... Ребятюшки, милые, спасите!..

– Дерьмо! – процедил Алымов и сплюнул сквозь зубы.

Казака вязали, он выл по-звериному. Связанных попарно тащили по сходням на баржу, и вот, очевидно, решив, что от большого количества народа баржа может пойти ко дну, начали топить. Толпе пленных было плохо видно, что происходило с другой стороны баржи, но крики и плеск объясняли все.

Дюжий казак рядом с Борисом перекрестился и забормотал молитву.

– Вот что, Петька, – решительно зашептал Борис, – мне в такой компании помирать не охота.

– У нас есть выбор? – холодно отозвался Алымов.

– Закрой-ка меня, чтоб никто не видел.

Он незаметно вытащил из-за пояса нож – единственное оставшееся оружие – и разрезал новые, только вчера презентованные Саенко сапоги так, что портянки торчали наружу. Потом он сунул нож за голенище.

– Что ты задумал, Борис?

– Испытаем судьбу еще раз, – шепнул Борис и обнял друга, – а если не выйдет, то прощай, Петр!

– Вместе туда попадем, – грустно улыбнулся Алымов.

На пристани раздался вдруг шум, кашлянье мотора, и появился автомобиль, из которого вышли несколько человек, и среди них – очень знакомая Борису фигура в кожанке и фуражке. Человек был высок и очень худ, держался несколько скованно, но Борис не веря своим глазам узнал в нем своего знакомого Сергея Черкиза – начальника особого отдела ЧК. Познакомились они, если можно так выразиться, на допросе, когда Борис по глупости или по невезению попался красным. Допрос окончился отправкой Бориса в депо – место, откуда каждую ночь возили на расстрел. И если бы не верный Саенко... лежать бы Борису в Ольховой Балке чуть присыпанному землей среди таких же, как он. Борис вспомнил, как долго и увлеченно говорил Черкиз о революции. Борис вначале сомневался в его искренности, но потом понял, что этот человек болен и под свою болезнь, в которой переплелись его природный садизм и невротическая восторженность, он подвел красивое коммунистическое обоснование.⁵

– Ничему не удивляйся, держись со мной рядом, – шепнул Борис Алымову и вдруг заорал: – Сергей! Эй, Серега, Черкиз!

Его голос далеко раздавался на пристани. Черкиз услышал, и если оставались еще у него сомнения, то фамилия Черкиз, выкрикнутая Борисом, их развеяла. Борис увидел, как Черкиз обернулся, дернув головой, как поморщился болезненно.

– Серега, Черкиз! – надрывался Борис, проталкиваясь к краю поредевшей уже толпы, туда, где красноармейцы хватали по двое и вязали обреченных на смерть.

Их глаза встретились, и Борис с совершенно неуместным в его положении злорадством заметил, как Черкиз побледнел и во взгляде его мелькнуло сначала узнавание, а потом ненависть.

– Товарищ Черкиз, – надрывался Борис, – ты что, не узнал меня, что ли? – И торопливо объяснял соседям, так чтобы слышали красноармейцы: – Друг детства мой, вместе в реальном училище.

Черкиз подошел к нему так быстро, что даже споткнулся и чуть не упал.

– Здоров, Серж! – дурашливо улыбнулся Борис и сделал движение, как будто хотел обнять. – Ты живой, а я-то думал, что на том свете ты. Выжил, значит... Ну и я тоже выжил...

⁵ См. роман «Волчья сотня».

Черкиз смотрел на него белыми от ненависти глазами, правая рука его шарилась в кобуре, и Борис подумал обеспокоенно, не перегнул ли он палку, а то как бы этот псих не пристрелил его прямо на месте. Но Алымов шагнул из толпы и встал вплотную к Борису, глядя на Черкиза со спокойным презрением. Так стояли они трое, глядя друг другу в глаза, и толпа замерла вокруг в ожидании.

Черкиз, мертвенно-бледный, тряхнул наконец головой и оторвал руку от кобуры.

– Выжил, говоришь, – процедил он. – Ну это мы сейчас поправим! – И крикнул, повернувшись к красноармейцам: – Чего встали? Продолжайте!

Тут же Бориса с Алымовым схватили и потащили к Завальнюку с его веревками. Черкиз подошел к ним и внимательно наблюдал за операцией.

– Принципиальный какой товарищ Черкиз, – приговаривал белобрысый красноармеец, крутясь вокруг Бориса, – а ты, ваше благородие, небось думал, что он друга детства пощадит? Как бы не так, потому как ты есть классовый враг и тебя надо беспощадно истреблять, вот как.

– Пошел ты! – спокойно произнес Алымов.

Они с Борисом сцепились локтями и напрягли мускулы до боли, надеясь, что потом, когда они расслабятся, веревки не затянутся так сильно.

– Ты чего натужился-то? – заворчал было Завальнюк, но Черкиз крикнул ему срывающимся от бешенства голосом:

– Не разговаривать! Давай быстрее вяжи! Рассушивают тут, как бабы...

Завальнюк обиженно засопел, но ничего не ответил. Борис с радостью почувствовал, что завязал он веревку всего на один узел, не перекидывая дополнительной петли. Тем легче будет перерезать веревку...

– Прощай, товарищ Черкиз, – произнес он, глядя в ненавидящие глаза, – может, еще встретимся...

Черкиз равнодушно отвернулся и пошел в сторону черного автомобиля, а Борис с Алымовым, подгоняемые ударами прикладов, поковыляли на баржу. Там творился ад.

Красноармейцы сталкивали беспомощных людей в черную ледяную воду, море кипело от барахтающихся тел. Слышались крики, стоны, ругательства, многие поминали Господа, но он, должно быть, в этот момент отвернулся и не слышал, как его молили о помощи.

– Значит, так, Петр, – вполголоса говорил Борис, – прыгаем сами ногами вперед. Под водой разворачиваемся и не выныривая плывем влево, только влево, в сторону от всех. А то заденут в воде и утопят. Ты посмотри, что делается, – просто не море, а суп какой-то, кишит от людей.

– Мало мы эту красную сволочь били, – скрипнул зубами Алымов, – ох, мало...

– Не трать силы понапрасну, – спокойно посоветовал Борис, – даст Бог, выберемся, еще поборемся. Когда вынырнем, будем плыть, переворачиваясь по очереди. Грести, естественно, только ногами. Я первый внизу, потому что плаваю лучше. Медленно считай до десяти. На счет десять переворачиваемся – больше без воздуха не выдержать. А теперь запомни: нож в левом сапоге, в левом... Ты должен вытащить его, когда будешь наверху – так тебе не нужно будет думать о дыхании. Если не получится с первого раза – переворачиваемся и все начинаем заново.

– И как ты думаешь, сколько мы продержимся в такой холодной воде? – вздохнул Алымов.

– Ничего, все ж таки не Ледовитый океан, – неуверенно подбодрил Борис.

– Шевелись, контра! – орал красноармеец, размахивая винтовкой. – Все на корм рыбам пойдете!

Воздух, казалось, раскалился от проклятий и стонов.

– Пора, Петр, – сказал Борис, когда их прижало к борту, – а то еще прикладом по голове звезданут.

– Господи, спаси и сохрани! – скороговоркой пробормотал Алымов.

Они перевалились через низкий борт, одновременно вдохнули воздух и прыгнули. Сердце у Бориса зашло в первый момент, когда тело погрузилось в воду.

«Не захлебнуться! – приказал он себе. – Не открывать рот».

Спиной он чувствовал тесно прижатую спину Алымова. Вот прошла инерция от погружения, Борис сделал движение перевернуться и обрадовался, когда Алымов поддержал его. Стало быть, с Петькой пока все в порядке, если можно употребить это выражение применительно к их положению. Он открыл глаза и увидел под водой темную громаду баржи. Шевеля ногами, стараясь не делать резких движений, чтобы не выпал нож, Борис поплыл в сторону от баржи, начав отсчет. Он почувствовал, что Алымов уловил его ритм и старался двигать ногами так же. Они двигались как сиамские близнецы, сросшиеся спинами.

Все дальше баржа, впереди спокойная темная толща воды. Выбрасываемые смертники остались в стороне. На счет «восемь» Борис развернулся, чтобы всплыть на поверхность. Неяркое мартовское солнце резануло по глазам. Несколько секунд они удержались в воде вертикально, и за это время Борис сумел оглядеться.

Баржа была близко, но вряд ли кто-то заметил их головы в такой кутерьме. Борис наметил направление и нырнул под воду. Распластавшись так, чтобы тело было абсолютно горизонтально, он медленно двигал ногами, не забывая считать. Вот он подтянул левую ногу и почувствовал, как Алымов наугад шарит по сапогу. Толчок, который послал их сросшиеся тела вперед, затем снова шарящая рука. Опять неудача. На счет «десять» Борис перевернулся и с облегчением глотнул сырого воздуха. Дальше он плыл вперед, делая сильные движения ногами.

«Долго мы так не продержимся в холодной воде, вон уже руки коченеют без движения», – мелькнуло в голове.

Он перевернулся на счет «семь», чтобы не тратить времени, потому что Алымов под водой был страшно тяжел и тянул ко дну. И опять левую ногу Борис поджал как можно ближе к телу. Он почувствовал, как Петр запустил руку в сапог, как ухватил нож и потащил его, царапая ногу. Но боли в морской воде он не ощутил, а только безумный проблеск надежды. Очевидно, веревка ослабла в воде, иначе Алымову было бы никак не изогнуться, чтобы разрезать ее. Они опять развернулись вертикально и начали погружаться в воду. Петр все пилил и пилил ножом веревку, и Борис подумал, что если он не справится или выронит нож, то им уже не выплыть на поверхность. Да и не к чему, потому что скоро начнет сводить руки от холода, а потом и ноги. Веревка поддавалась медленно, Борис боялся дернуть, чтобы не помешать Алымову. И хоть перед глазами ходили красные круги и легкие, казалось, разрываются, он приказывал себе не терять контроля и не делать резких движений. Иначе тело, движимое инстинктом самосохранения, устремится наверх, и они захлебнутся. Еще секунда... другая... Борис чувствовал, что жизнь уходит из него вместе с воздухом из легких. Уже манила снизу черная мгла, и понималось из нее что-то страшное и холодное, гораздо холоднее морской воды. И когда Борис понял, что это смерть надвигается на него, подобно страшному черному облаку, и что сейчас сердце его разорвется, веревка поддалась. Не веря собственным ощущениям, он устремился вверх. Петр вынырнул рядом, отплеываясь. Борис сунул непослушными руками нож за пояс и показал на песчаную косу:

– Ее мы должны обогнуть, там берег дикий, туда и поплывем. Быстрее, Петька!

Если бы пришлось проплыть такое расстояние летом в теплой воде без одежды, Борис бы только порадовался. Плавать он умел хорошо еще с детства, море любил. Но сейчас... в холодной воде, в одежде, обессиленному... однако выбора у них не было. Рассекая плечами волны, Борис устремился к косе. Внезапно вода впереди вскипела фонтанчиками: как видно, какой-нибудь ушлый красноармеец, рассеянно наблюдая за делом рук своих, окинул взглядом море и заметил две головы вдалеке. Не сговариваясь, Борис с Алымовым нырнули и дальше плыли под водой, высывая голову, только чтобы глотнуть воздуха.

Красные не случайно выбрали этот дебаркадер – он был старый, находился у самого края пирса, и баржа была заброшена. Красные нашли ей такое страшное применение. Но офицерам это было на руку – свобода и жизнь были за песчаной косой.

Вот пули перестали догонять их – очевидно, тому, кто стрелял, стало все равно. Чувствуя, как холод пробирается в самую середину тела, до каждой клеточки, Борис торопил Алымова:

– Быстрее, Петька, быстрее!

Он знал, что Алымов тоже неплохой пловец, но сейчас, принимая во внимание ледяную воду и так далее... Алымов начал отставать, Борис замедлил темп, видя страдание на его лице.

– Нога... – прохрипел Петр, – нога проклятая, судорога...

Так и есть! Нога, раненная еще в семнадцатом, не раз подводила. Естественно, от переохлаждения она первая должна была отказать.

– Держись за меня, только не барахтайся, – предупредил Борис.

– Оставь меня, Борька, я не доплыву... – Алымов терял силы на глазах.

Они успели обогнуть косу, начинался прилив, что было им на руку: волны принесут к берегу. Борис видел каменистый, но отлогий берег. Не тратя времени на напрасные пререкания, он ухватил Петра за плечо, гребя одной рукой. Тот потерял сознание.

Напрягая последние силы, Борис греб к берегу, одновременно следя за тем, чтобы лицо Алымова было все время над водой. До каменистого пляжа оставалось метров сто, но силы были уже на исходе. Борис почувствовал, что еще минута – и он потеряет сознание... Горизонт начало затягивать туманной обморочной пленкой, ноги сделали последний бессильный рывок и ушли под воду... и коснулись каменистого дна. Борис встал на ноги и перевел дыхание. Он доплыл! Доплыл! И дотащил Петра...

Он шел к берегу по грудь в воде, спотыкаясь на скользком неровном дне, но это был уже берег, они не утонут. Вода была ему уже по пояс... по колени... Легкие прибойные валы догоняли его и играючи били под колени, стараясь повалить, а он был так слаб, что действительно чуть не падал. И Петра стало тащить тяжелее. Наконец он вытащил его на берег, оттащил от воды и рухнул рядом. Окоченевшее тело отказывалось служить, слабое мартовское солнце почти не согревало. Надо было что-то делать – двигаться или развести костер, но сил не было ни на что.

Переведя дух, Борис приподнялся на ноги и огляделся. Берег дальше довольно круто уходил вверх, осыпаясь. Дорога к пристани проходила поверху, но никаких звуков не было слышно – либо слишком далеко, либо у Бориса заложило уши. Самое разумное было пройти по берегу и поискать какое-нибудь укрытие – пещерку, чтобы развести там костер. Еще в походе Петр раздобыл где-то металлическую коробочку, где хранил спички. Борис надеялся, что с ними ничего не случилось, в противном случае следовало осознать, что Господь Бог отвернулся от них навсегда, потому что, мокрые, на холодном ветру они продержатся недолго. Он посмотрел на друга, лежащего без сознания на песке, и понял, что тащить его в неизвестность нет сил. Борис решил сам обследовать окрестности, а потом вернуться за Петром. Сапоги были рваные, так что вся вода вылилась из них. Борис на себе кое-как выжал воду из одежды и, пошатываясь, направился к близлежащим зарослям непонятных кустов. Пройдя несколько шагов, он заставил себя вернуться и подтащить Алымова ближе к кустам – так одиноко лежащая фигура меньше бросалась в глаза, если бы кто-то сверху вздумал разглядывать берег.

Глава третья

Красная конница пролетела в Новороссийск подобно смерчу, сметая все на своем пути. Буденновцы рубили нещадно белую сволочь, тем некуда было отступать – дальше только море. Победа была полной и окончательной, бойцам Буденного никто не оказывал особенного сопротивления.

Следом за конницей подходили к Новороссийску пешие части. Были они нестройны, шли отдельными отрядами, в общей неразберихе многие бойцы отставали от своих и брели в сторону города самостоятельно, делая это не без задней мысли: в обстановке общей анархии они норовили пограбить мирное население либо же прихватить имущество отставших белых.

По дороге, что проходила верхом вдоль берега моря, шли двое красноармейцев: немолодой, прихрамывающий дядька, а с ним – вертлявый, шуплый парень, похожий на подростка. На дороге, обычно оживленной, сейчас было пусто.

– Жрать охота, дядя Силантий! – нарушил парень затянувшееся молчание.

– Иди уж! – угрюмо прикрикнул Силантий. – Из-за твоей жратвы от своих отстали.

Это была чистая правда. Еще утром командир послал их со Степкой за патронами. И вот когда они ехали на повозке, сидя поверх ящиков, Степка, вместо того чтобы погонять лошадь, дабы успеть к своим, пустился шарить по близстоящим у дороги домам в надежде найти чем поживиться и наткнулся на беляков. Что уж они там делали – хоронились до темноты либо спарывали погоны, а только шарахнули из избы залпом, убили лошадь да самого Силантия задели в ногу. Поганец же Степка не пострадал, только потерял винтовку, когда бежали от того места.

Рана у Силантия была легкой, кость не задета, но все равно идти было трудно, к тому же он с горечью думал, как будет рассказывать командиру, что потерял патроны, и что тот скажет ему в ответ.

Степка шел налегке и вертел головой по сторонам.

– Эх, я бы сейчас молока... целую крынку выпил! – вздохнул он. – С калачом...

– Что тебе все неймется, – заворчал Силантий, – что ты все егозишь... Сказано – идти в город, значит, нужно идти не задерживаясь. Если бы не ты, уже давно у своих были бы да еще патроны доставили.

– Да зачем они теперь, патроны эти? – беспечно махнул рукой Степка. – Когда мы город без боя, считай, взяли.

– Мы! – хмыкнул Силантий. – Горазд ты за других говорить.

Он видел Степку в бою и знал, что тот был трусоват и норовил спрятаться за спины товарищей. Степка подошел к самому обрыву и загляделся вниз.

– Дядя Силантий! – закричал он вдруг, не обращая внимания на ворчание своего напарника. – А ведь там кто-то лежит.

– Ну и что, что лежит? – откликнулся Силантий. – Мало ли покойников вокруг...

– А ведь это офицер, золотопогонник, – пробормотал Степка.

– Море на берег выбросило, – согласился Силантий.

Степка уже спускался вниз на четвереньках. Силантий знал, что Степка был жадный и вечно шарил по карманам у трупов в надежде найти чем поживиться.

– Я тебя ждать не буду! – разозлился Силантий и поковылял по дороге.

Степка подошел к мертвому офицеру и ногой перевернул его на спину. Человек застонал.

– Дак он живой? – вслух удивился Степка.

Он быстро обшарил карманы беспмятного человека, но нашел там только металлическую коробочку со спичками, да на шее висел на золотой цепочке нательный крестик. Когда он дернул цепочку, офицер застонал сильнее и что-то пробормотал.

– А у меня и винтовки нет, чтобы тебя прикончить! – расстроился Степка. – Дядя Силантий! – крикнул он, но никто не отозвался, потому что Силантий хоть и слышал, так как не успел уйти далеко, но сильно разозлился на Степку.

Степка сделал шаг в сторону в надежде найти какой-нибудь камень, чтобы не оставлять в живых классового врага, и тут из кустов бесшумно выскочил кто-то страшный, обхватил Степку сзади и приставил нож к горлу.

– Зови товарища, – прошептал он Степке в ухо.

И поскольку обалдевший от страха Степка не сумел выдать из себя ни звука, тот легонько царапнул его ножом по горлу.

Борис не успел уйти далеко и услышал голоса. Он подкрался тихо, прячась за кустами, и успел вовремя, пока Алымову не причинили вреда. Он не колебался, руки сами схватили маленького вертялого красноармейца, похожего на подростка, и приставили нож к его горлу. На дороге никого не было, следовало срочно разобраться с этими двумя и уносить ноги, до того как подойдет еще кто-то.

– Зови! – прорычал он, чувствуя, как нож процарапал кожу на горле.

Очевидно, Степка тоже это почувствовал, потому что заорал не своим голосом:

– Силантий!

– Чего тебе? – хмуро отозвался тот, возвращаясь. – Поднимайся быстрее, я ждать не буду.

– Не могу, ногу камнем придавило, – прохрипел Степка, понукаемый Борисом, – помоги, дядя Силантий!

Силантий плюнул, обругал Степку по матушке, но, потоптавшись немного на месте, все же стал осторожно спускаться – не бросать же поганца одного. В кустах слышалась возня – это Борис связывал Степку его же собственным ремнем.

– Степка, ты где? – крикнул Силантий, настороженно оглядываясь.

– Тута я, – прозвучал Степкин голос из кустов, – нога застряла.

– Что б она у тебя, паразита, и совсем отсохла, – в сердцах высказался Силантий.

Он сделал несколько шагов к кустам и тут же упал, потому что Борис с размаху опустил ему на голову обломок кия старой шлюпки, который он подобрал на берегу. В последний момент Борис сдержал удар, так что череп у Силантия не треснул, просто его здорово оглушило. Степка ползком отодвигался от Бориса, глядя на него с ужасом и тихо поскуливая.

– Не для того я его из моря спас, чтобы ты, гнида, ему камнем голову разможил, – произнес Борис.

– Ваше благо-ро-о-дие! – завыл Степка.

– Заткнись! – оборвал Борис.

Он вытащил ремень у пожилого и связал Степке ноги. Затем перекинул петлю ремня через ствол непонятого куста и туго прикрутил к нему руки.

– Тебя как звать-то? – неожиданно спросил он, брезгливо глядя в бегающие глазки, в которых появилась надежда: если бы хотели убить, не стали бы связывать.

– Степа! – икнул Степка.

– Вот что, Степан, я тебе рот заткну, чтобы ты не орал, – сказал Борис, нашарив в кармане мокрый носовой платок. – Когда кляп изо рта выплюнешь, то кричи, может, кто тебя развяжет. Либо же этот, – он кивнул на Силантия, – очухается, я его не сильно ударил.

Он туго скатал платок и засунул Степке в рот, потом отвернулся и выбросил в море винтовку Силантия, потому что собирался нести бесчувственного Алымова и на винтовку не было уже сил.

Он примерился и хотел взвалить друга на спину, как вдруг сверху послышались голоса – по дороге шел пеший отряд красноармейцев. Он беспокойно перевел глаза на связанного Степку и увидел, что тот уже почти выплюнул скомканный платок. Борис находился от него в десяти шагах, Степка знал, что огнестрельного оружия у него не было, а свои – вот они,

наверху. Борис видел, как злорадно выкатил на него глаза Степка, как раскрыл рот, чтобы крикнуть:

– Тов...

Но в это самое время нож, брошенный Борисом, вонзился в его горло. Степка изумленно уставился на Бориса, не в силах осознать, что же случилось.

– Сам виноват, – тихо, почти про себя произнес Борис. – Не понимаете вы по-хорошему.

Отряд прошел, ничего не заметив. Борис подхватил Алымова и, не оглянувшись, пошел в другую сторону от проклятого города.

Дорога забирала вверх, а Борис шел вдоль берега, так что сверху его не могли видеть. Через полчаса такого продвижения Борис почувствовал, что силы покидают его – Алымов так и не пришел в сознание и был очень тяжел. Борис опустил его на каменистую землю и сел, чувствуя, что глаза закрываются. Наступила апатия.

– Нет, господин офицер, – раздался вдруг прямо над головой сухой и резкий голос, – спать вам сейчас нельзя. Не для того вы тащили на себе своего товарища, чтобы он умер на берегу.

Борис поднял тяжелые веки и увидел высокого худого старика с густой седовато-рыжей бородой, в странном длинном балахоне, заляпанном краской.

– Кто вы такой? – враждебно спросил Борис.

– Представления отложим на потом, – ответил старик, – а сейчас можете еще немного его пронести? Тут неподалеку есть весьма удобная пещера.

Действительно, пещера была близко. Борис осторожно положил Алымова на сухие водоросли в углу.

– Быстро собирайте плавник! – командовал старик. – Если в самое ближайшее время вы не согреетесь, то будет плохо.

Они вдвоем быстро собрали целую кучу выброшенных морем досок, палок, разнообразных обломков. Только сейчас Борис почувствовал, насколько он промерз в ледяной воде. Холод сковал все тело, по нему пробегала волна судорог, и зубы стучали.

Старик ловко, с одной спички, разжег костер и велел Борису раздеться догола и сесть возле огня. Сам он раздел бесчувственного Алымова и уложил его рядом с костром на своем балахоне, оставшись голым до пояса. Торс его был мускулистый, от всего тела веяло силой. Старик достал из кармана штанов фляжку и протянул Борису:

– Пейте!

Когда Борис припал к фляжке, обжигающая жидкость пронзила молнией пищевод и ударила в желудок. Борис задохнулся на мгновение, закашлялся, но почувствовал, что оживает.

– Греческая водка! – усмехнулся старик. – Раньше не пробовали?

– Пробовал, – усмехнулся в ответ Борис и вспомнил свое путешествие в Батум с греческими контрабандистами полгода назад.

Старик посмотрел на него одобрительно и произнес:

– Ну, за вас я теперь спокоен. Займемся вашим другом.

Они растирали Алымову руки и ноги, наконец тот застонал и открыл глаза. Старик поднес к его губам фляжку. Алымов закашлялся и подскочил как ужаленный.

– Где мы? – Глаза его остановились на Борисе.

– На суше, – пожал тот плечами, – на этом свете...

– Это хорошо, что вы очнулись, – заговорил старик, – выпейте еще.

Он деловито наблюдал, как Алымов сделал два глотка, потом отобрал фляжку, убрал ее и наконец представился:

– Аристархов, Аполлон Андреевич.

– Не может быть! – Борис вспомнил это имя, довоенные вернисажи, скандальные истории... – Тот самый? – спросил он с интересом.

– Что значит – тот самый? – обиженно переспросил старик.

– Художник, скульптор...

– Ну допустим...

– Ордынцев, Борис Андреевич, а это Петр Алымов.

– Что ж, господа офицеры, – Аристархов встал и махнул рукой куда-то к скалам, – разрешите пригласить вас в мое скромное жилище.

Алымов был еще очень слаб, и Борис поддерживал его, когда они поднимались узенькой тропой наверх. Жилище Аристархова действительно было очень скромным, старик не рисовался. Это была маленькая глиняная хижина, крытая соломой, с двумя крошечными окошками. Внутри, однако, было тепло, и когда хозяин поставил самовар, хижина показалась Борису и вовсе прекрасной.

Под потолком были развешаны пучки сухих трав, наполнявших жилище живыми пряными запахами.

– А где же? – Борис обвел комнату взглядом в поисках мольберта и прочих профессиональных атрибутов. – Ведь вы художник?

– Мастерская у меня с другой стороны, – ответил старик, – а вообще я предпочитаю работать под открытым небом. Разумеется, когда позволяет погода.

Алымов окончательно пришел в себя после того, как художник напоил своих гостей горячим чаем, в который были добавлены душистые травы и щедрая порция адского напитка из фляги. Борис тоже отогрелся и отдохнул. Одежда просохла, чувствовал он себя комфортно, но где-то в глубине сердца застыла та самая холодная мгла, что надвигалась на него со дна моря, когда они плыли с Алымовым, связанные. Казалось, это черное облако сумело отобрать у него частицу жизни навсегда. Но некогда было прислушиваться к себе, ведь они еще не спаслись окончательно.

Неожиданно дверь хижины отворилась, и на пороге появилась свежая, как заря, девушка в простом крестьянском платье. Увидев незнакомых людей, она смутилась и отступила к дверям.

– Ой, Поля, ты не один... – Голос ее был чист, как горный ручей.

– Ничего, Лизанька, – успокоил ее старик, – эти люди отогреются и уйдут. Ты что-то хотела?

– Вот, Поленька, я ложку серебряную принесла, сделай мне браслетку с тем синим камушком!

– Сделаю, родная. Обожди маленько.

– Я попозже зайду. – Она метнулась к двери, встретив жесткий взгляд Бориса.

– Постой, постой, девочка! – резво поднялся Аристархов. – Не бойся, посиди здесь.

– А камушки дашь посмотреть?

– Иди сюда. – Он усадил ее в уголок и высыпал из лукошка блестящие разноцветные камушки.

Она по-детски захлопала в ладоши и засмеялась.

– Так и живете? – неприятно усмехнувшись, спросил Алымов. – Там, в городе, настоящая бойня, кровь, смерть, а у вас здесь рай, искусство, девушки красивые ходят...

– Оставьте девушку в покое! – резко проговорил старик и добавил тише: – Вы что, не поняли, что она блаженная? Они с матерью живут тут недалеко... после того как их выгнали из имения.

– Знакомое дело, – процедил Борис, – простите, мы не поняли. Разучились, знаете ли, за последнее время в девушках разбираться.

Они помолчали.

– Однако, – начал Борис, – вы не боитесь отпустить ее одну? Времена сейчас страшные...

– У кого поднимется рука обидеть блаженную? – высокопарно начал Аристархов, но Борис перебил его, вскочив на ноги:

– Господин художник, очнитесь! Перестаньте витать в эмпиреях! На дворе двадцатый год! Посадите ее под замок, хотя бы на то время, пока шляются здесь всякие красно-зеленые. Она слишком красива...

– Я понял, – пробормотал Аристархов.

– Вряд ли, – пожал плечами Борис, – но я вам советую быть более осторожным.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросил Аристархов.

– Спасаться, – вздохнул Борис, – нам нужна лодка.

– Вряд ли на лодке вы доберетесь до Керчи, – возразил старый художник.

– Но пеший путь на Туапсе был отрезан красными еще рано утром. – Борис вспомнил слова Саенко, чтобы они с Алымовым пробирались на французский миноносец «Сюркуф», и повторил: – Нам очень нужна лодка.

– Когда стемнеет, я провожу вас на берег и укажу рыбацью лодку, – пообещал Аристархов, – это все, что я могу для вас сделать.

– Вы уже и так много сделали – спасли нам жизнь, дали отогреться...

Аристархов махнул рукой и отошел к Лизаньке.

Миноносец «Сюркуф» стоял на рейде в прямой видимости берега, поэтому его командир капитан Жиро очень нервничал. Остальные корабли союзников ушли в Крым, но таинственный пассажир «Сюркуфа» просил еще немного подождать. Жиро не стал бы так рисковать, но этот русский полковник привез ему несколько ящиков прекрасного массандровского вина, и француз, знаток и любитель хороших вин, не устоял и обещал подождать еще немного.

Русский полковник стоял на мостике и осматривал в бинокль береговую линию. К счастью, берег в этом месте был довольно пустынен, красных не было, и Жиро решил дать этому ненормальному полковнику еще два-три часа.

Когда отведенное время было уже на исходе и капитан Жиро собрался отдавать якоря и выйти в море, русский полковник, словно прочитав его мысли, сказал:

– Господин капитан, вы получите ящик прекрасного крымского шампанского, если подождете еще час!

Жиро заколебался. Еще один час в этих опасных водах... в конце концов, он уже сделал для полковника все, что мог, – погрузил на борт сто человек побежденной белой армии. В праведном негодовании у капитана из головы совершенно вылетела такая интересная подробность, что за каждого из сотни пассажиров полковник заплатил ему ящиком вина – не такого замечательного, как то, массандровское, но все же отличного. Ящики были кое-как распиханы по всему кораблю, капитан собирался везти их на родину, во Францию, и совершить там совсем неплохую сделку.

Нет, капитан Жиро решил больше не ждать. Но с другой стороны, шампанское...

Он махнул рукой.

– Это мой долг офицера и союзника. Но только один час.

– Благодарю вас, капитан. – Русский полковник поклонился и снова поднес к глазам бинокль.

Но и этот час миновал, не принеся никаких новостей. Жиро пожал плечами и отдал команду:

– С якоря сниматься!

И в этот момент русский полковник закричал:

– Шлюпка! Справа по борту шлюпка!

Жиро поморщился – опять начинается суматоха, ему очень не хотелось принимать на борт еще нескольких человек – грязных, оборванных, перепачканных кровью, дурно пахнущих

мужчин... И так уже привели сверкающий чистотой корабль в совершенно неприличный вид! Но союзнический долг... но прекрасное крымское вино...

Капитан приказал спустить трап и принять на борт русских.

Два офицера с трудом вскарабкались по трапу. Матросы помогли им подняться на борт. Худшие опасения капитана Жиро оправдались. Эти подозрительные господа явно уже несколько месяцев не принимали ванны. Они были небриты, грязны, когда-то аккуратные английские френчи изодраны в лохмотья и покрыты пятнами засохшей крови. О том, что это офицеры, напоминали выцветшие погоны, болтавшиеся на плечах.

– Борис Андреич, голубчик! – совершенно не по-военному воскликнул Горецкий. – И вы, Алымов... – Голос его дрогнул.

Он сделал шаг к ним, собираясь раскрыть объятия, но Борис перехватил презрительный взгляд капитана, относившийся, надо полагать, к их внешнему виду, потом посмотрел на самого Горецкого – в аккуратно пригнанном мундире, пахнущий хорошим одеколоном и табаком, полковник вызвал у него прилив раздражения, почти злобы.

– Здравия желаю, господин полковник! – отрывисто сказал он и отметил, что Горецкий остановил руки, поднятые для объятий.

– Рад вас видеть живыми, господа, – молвил Горецкий, – пройдите, вас накормят и дадут умыться.

«Что это со мной? – думал Борис, уходя. – Нужно радоваться, ведь мы спасены. Французы доставят нас в Керчь, мы вышли живыми из этого ада... Все это так, но сколько людей остались там навсегда... И кто в этом виноват?»

То самое черное облако сидело в нем и не давало радоваться жизни. Очевидно, Борис стал другим человеком.

Внизу налетел на них Саенко:

– Ваше благородие, Борис Андреич, родненький!

Из глаз его покатались две слезы и повисли на усах.

– Здорово, Пантелей Григорьевич! – обрадовался Борис. – Уж без тебя-то нигде не обойтись!

Они обнялись и расцеловались по русскому обычаю.

– Пойдемте скорее, я все укажу, – зашептал Саенко, – а то тут повар жадный такой – норовит питания положить самую крошечку, да и жидкая похлебка-то. Так я уж хлеба припас и колбаски... А солдатики, что наверху, на палубе, да по кубрикам распиханы, – те и вовсе голодные, разве что матросы чего дадут Христа ради... Эх и подлый же народ французы!

– Значит, взяли все же на борт наших? – уточнил Борис. – Тогда ты зря их ругаешь.

– Ох, знали бы вы, чего это Аркадию Петровичу стоило, – вздохнул Саенко. – Уж так он просил капитана этого, Жиро его зовут, уж так умолял. Нет, стоит на своем проклятый французишко – не было приказа, и все тут! А был у него приказ только насчет его скородия. – Саенко страшно уважал полковника Горецкого и титуловал его, как полагалось, – его высоко-родием, но произносил титул своей обычной скороговоркой, так что получалось «ваше скородие». – Значит, был у него приказ Аркадия Петровича взять на борт и доставить в Керчь, потому как очень важные документы имеем при себе. – Саенко понизил голос до совершенного уже шепота.

– Да уж мы знаем, какой твой полковник важная и секретная птица! – усмехнулся Алымов.

Саенко оскорбленно поджал губы, потом махнул рукой и продолжил:

– Тогда Аркадий Петрович и говорит капитану этому, что возьмите, мол, людей за вино.

– Что-что? – переспросил Борис.

– А вот то, что вчера послал меня он на берег, когда я вас-то встретил. И пошел я прямо в имение одно, где погреб отличные еще до войны были. А там вина хорошие. И погрузили

мы все это на подводы и привезли сюда. Так он, капитан-то, за каждый ящик по человеку согласился провезти. Сто ящиков распихал кое-как по миноносцу своему – это ж не торговое судно, не приспособлено груз перевозить, – распихал сто ящиков и взял сто человек без багажа. У-у, морда французская!

– Вот как, значит, жизнь человеческую за ящик вина купили. Эх, союзнички! А все остальные капитаны, значит, непьющие...

– Выходит, так, – угрюмо согласился Саенко.

Они пришли в крошечную каюту, кое-как умылись, переоделись в чистое белье, которое Саенко вытащил из своих закровов. Френчи задубели от морской воды, поэтому Саенко выскочил куда-то и вскоре вернулся. Через десять минут в каюту просунулась голова французского матроса в шапочке с красным помпоном. Голова обвела глазами каюту и, увидев Саенко, подмигнула черным глазом. Саенко выскочил в коридор и принес две матросские робы, поношенные, но чистые.

– Саенко, ты на что же робы эти сменял? – смеясь, спросил Борис.

– Известно на что, на вино, – насупился Саенко, – простому человеку тоже выпить хочется.

Поели жидкой французской похлебки и хлеба с салом, что принес запасливый Саенко. Алымов выпил чаю, вытер испарину на лбу и прилег на койку.

– Что-то нехорошо мне, надо спать, может, силы восстановятся. А ты, Борис, нож потерял, что ли?

– Да выронил где-то, пока тебя нес, – равнодушно ответил Борис.

Через минуту Петр задышал глубоко и ровно, Борис тоже пытался заснуть, но черное облако все давило и давило на сердце. Он заснул, как провалился в бездонную пропасть. Пробуждение было безрадостным. Саенко тряс его за плечо, приговаривая тихонько:

– Ваше благородие, Борис Андреич, проснитесь!

– Что? – Борис рывком сел на узкой койке. – Чего тебе? Вроде до Керчи еще далеко?

– Ваше благородие, ступайте к полковнику, – сказал Саенко с какой-то неуверенно-смущенной интонацией.

– Он зовет, что ли? – рассердился Борис. – Вот еще незадача, поспать не даст.

– Да не зовет, – с досадой ответил Саенко, – а только пошли бы вы с ним поговорили.

– Неохота мне с ним разговаривать, – честно признался Борис, – много чего ему есть сказать, да только все неприятное, как бы он на меня не обиделся.

– Зря вы так, ваше благородие, – укорял Саенко. – Он три часа на мостике простоял, все вас высматривал, и капитану, Жиро этому, утробе ненасытной, ящик шампанского дал, чтобы он вас дождался.

– Вот как? – Борис поднял брови. – Простых людей за вино, а меня, значит, за шампанское?

– Уж какое было. А только если б не он, вас бы тут не было, – твердо произнес Саенко. – Загляните к нему.

– Ладно, – поднялся Борис, – все равно разбудил.

Они прошли коридорами, поднимались по лесенкам, пролезали в какие-то люки, после чего Саенко постучал в дверь каюты и крикнул:

– Аркадий Петрович, можно к вам?

Ответ был неразборчив. Борис распахнул дверь и сделал шаг вперед. Аркадий Петрович Горецкий расположился за столом в расстегнутом френче. Пенсне его не сидело аккуратно на носу, как обычно, и даже не болталось на шнурочке, оно валялось на столе между стаканом и бутылками, которых было достаточное количество. Борис шагнул ближе и остановился изумленный. Полковник Горецкий был вульгарно и безнадежно пьян.

Осознав присутствие в каюте посторонних, полковник поднял голову и посмотрел на Бориса. Взгляд был не то чтобы мутный и не бессмысленный, но что-то было в нем не то, какая-то странная расслабленность. До этого Борис видел полковника в двух ипостасях: либо интеллигентным профессором, говорящим мягким голосом, будто читающим лекцию с кафедры университета, либо же грозным полковником, чьи черты приобретали чеканность императорских профилей на старых римских монетах. Теперь же перед Борисом сидел раздавленный судьбой немолодой усталый человек.

– А-а, Борис Андреич, – слабо улыбнулся Горецкий. – Проходите, располагайтесь, чувствуйте себя как дома. – Он усмехнулся одними губами. – Саенко, принеси стаканы чистые!

– С чего это вы празднуете, с какой-то радости? – неприязненно заметил Борис.

Он видел и нездоровую бледность, и отечные мешки под глазами, понимал, что Горецкий не только устал, но и болен, но частица черного облака, сидевшая в сердце с того момента, когда он начал тонуть, заморозила в нем все человеческие чувства: жалость, сострадание, радость от неожиданного спасения. Где-то глубоко-глубоко осталась в сердце любовь к сестре Варе, но сестра была так далеко...

– А с чего вы решили, что я праздную? – сделал вид, что удивился, Аркадий Петрович. – Я дегустирую. Мы с капитаном Жиро, видите ли, обменялись бутылками...

– Слышал уже, – невежливо вставил Борис.

– Вот это, – полковник указал на бутылку, – бургундское, «Шамбертен». Про него Дюма, видите ли, писал, что д'Артаньян закусывал его ветчиной. Ни черта Дюма в винах не разобрался! Специально для этого вина создали пате де фуа-гра с трюфелями...

– И где же у вас этот паштет? – издевательски спросил Борис.

Ему все надоело, хотелось поскорее убраться из этой душной каюты и уйти спать, потому что тело болело после давешних мытарств. Он отвернулся от укоризненного взгляда Саенко, принесшего чистые стаканы.

– Присоединяйтесь, Борис Андреевич, – радушно пригласил Горецкий.

– Я не желаю с вами пить! – процедил Борис и повернулся, намереваясь уйти, потом помедлил и присел в стороне от стола. – Я, разумеется, благодарен вам за спасение, за то, что вы уговорили капитана подождать несколько часов, но как быть с теми, кто остался там?

– Им уже ничем не поможешь. – Полковник устало откинулся на спинку стула.

– А раньше? – крикнул Борис так громко, что Саенко заглянул в дверь каюты.

– Все погибло. – Горецкий опустил голову.

Борис совершенно автоматически отметил, что седины у него в волосах ощутимо прибавилось.

– Произошла катастрофа всего Белого движения, – монотонно проговорил Горецкий. – Мы потеряли громадную, плодородную и густо населенную территорию, а также, вероятно, две трети нашей армии. В Новороссийске погибли результаты двухгодичной славной борьбы.

– Я всегда знал, что вы обладаете выдающимися аналитическими способностями, – ядовито проговорил Борис. – Готовите докладную командующему? Уж больно гладко выражаетесь!

Горецкий, не отвечая, налил в стаканы красного вина.

– Говорите, армия погибла? – раскаляясь, кричал Борис. – А если конкретно посчитать, сколько офицеров, оставленных в лазаретах, застрелилось? Сколько было расстреляно красными, а сколько – утоплено в бухте? Никогда наша армия не переживала такой катастрофы в боях с красными, говорите? Да ведь Новороссийск сдали без боя, и эту самую катастрофу устроили Белой армии знаете кто? Такие, как вы!

– Что? – вскинулся было Горецкий, но тут же бессильно опустил голову на грудь.

– Не делайте вид, что мертвецки пьяны, – угрюмо пробормотал Борис, – я все равно не поверю.

– Катастрофу армии устроил свой же собственный Генеральный штаб, – заговорил Горецкий хрипло.

– Вот именно, а вы – представитель этого самого штаба. Все время, что я служил у вас, мы все куда-то ездили, что-то передавали, о чем-то договаривались... И вот результат! Вы – представитель военного управления при Особом совещании. И что, черт побери, думал ваш шеф, генерал Лукомский?

– Эти генералы, они думали только о своих амбициях, – слабо защищался Горецкий.

– Все можно простить – нерешительность, плохой расчет. Деникин, да и остальные не представляли себе, когда учились в академиях, что будут когда-нибудь воевать против русских же. Но никогда, слышите – никогда армия не простит генералам Новороссийска. Бросить лазареты с ранеными! Допустить, что казаки оказались почти все в плену! Конечно, они сами метались, митинговали, и вообще кубанские казаки ненадежны, но куда же ваше-то ведомство смотрело! А где вы собираетесь брать лошадей для новых сражений, если они все остались в Новороссийске? А орудия, пулеметы?

– Деникин недолго останется на посту главнокомандующего...

– Однако теперь они, те, кто виноват в этом преступлении, эвакуировались на союзнических кораблях, а простые офицеры лежат на дне Новороссийской бухты.

– А как же вы спаслись? – неуверенно спросил Горецкий и заглянул Борису в глаза.

Тот отвернулся, не ответив, но в глазах его Горецкий сумел прочесть такое, что охота расспрашивать у него пропала.

– Ну и что я теперь, по-вашему, должен делать? – вздохнул Горецкий. – Застрелиться? Не могу, голубчик, – ответил он сам себе совсем не по-военному, – бумаги важные со мной, должен доставить по назначению...

– Куда направляется «Сюркуф»? – отрывисто спросил Борис.

– В Севастополь, но солдат высадим в Керчи.

– Нас с Алымовым тоже высадите в Керчи. Там мы найдем своих, из дивизиона, часть пойдет на формирование, потом я буду воевать на фронте до конца, потому что теперь не верю в победу Белой армии, с такими-то командирами... За помин души... – Борис залпом выпил вино и поставил стакан на столик, потом встал и сказал уже у двери: – Прощайте, полковник! Вряд ли мы увидимся скоро. – Он сделал шаг в коридор, но вернулся и закончил нелюбезно, глядя сзади на поникшие плечи Горецкого: – Прошу извинить за резкость. Разумеется, вы лично не можете отвечать за весь генералитет.

Полковник Горецкий не обернулся.

Глава четвертая

В декабре девятнадцатого года Вооруженные силы Юга России отступали под натиском Красной армии двумя огромными колоннами. Восточная группа во главе со Ставкой Деникина в составе Добровольческой армии, донских, кубанских и терских казаков отступала на Кавказ. В декабре генерал Май-Маевский был отстранен от должности командующего Добровольческой армией и ненадолго заменен Врангелем,⁶ а затем Кутеповым. Западная группа белых войск включала отряды главноначальствующих Новороссийской области генерала Шиллинга и Киевской области генерала Драгомирова.⁷ Западная группа отступала в Новороссию, прикрывая Николаев и Одессу.

Командование рассчитывало остановить натиск красных на Дону восточной группой и на Буге – западной, с тем чтобы оттуда перейти в наступление.

Находящийся посредине этих двух оперативных направлений Крым был, таким образом, приговорен к сдаче и не рассматривался как стратегически важная территория, поэтому для его защиты был выделен один только третий армейский корпус генерала Слащева. Численности Красной и Белой армий были к этому времени примерно равны – около пятидесяти тысяч каждая, но Белая армия была измотана боями и утратила энергию наступления.

Корпус Слащева состоял всего из двух тысяч двухсот штыков и тысячи трехсот пашек при тридцати двух орудиях.

Несмотря на то что почти все силы белых группировались на флангах, массы отдельных людей, дезертиров, штатских беженцев, интендантств, хозяйственных частей потекли в Крым. Вся эта толпа беглецов буквально загромодила полуостров, грабя местное население. В частях Добровольческой армии по три – пять месяцев не получали содержание, и голодные солдаты сбивались в шайки, чтобы изыскать себе средства существования. Каждый стремился побольше наgrabить и сесть на какой-нибудь пароход. Начальники гарнизонов способны были только на панические телеграммы, где им было справиться с наступившей разрухой и царящей в Крыму анархией. Вся эта масса неорганизованных людей нисколько не усилила корпус Слащева, а, наоборот, только осложнила его положение дезорганизацией тыла. Единственное полезное, что пришло в Крым с этой убегающей массой, были шесть испорченных бронепоездов и девять английских танков.

Пятого января 1920 года в Севастополь прибыл генерал Слащев. Немедленно по прибытии он собрал у коменданта Севастопольской крепости всех начальствующих лиц. Среди явившихся были начальник обороны Крыма инженерный генерал Субботин, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ненюков, начальник гарнизона Симферополя генерал Лебедев-Драевский, наштафлота⁸ капитан первого ранга Бубнов, начальник дорог инженер Соловьев и другие.

Тридцатипятилетний генерал, с бледным лицом и горящими глазами кокаиниста, Слащев не оставил камня на камне от подготовленного Субботиным плана обороны полуострова.

– Я осмотрел перешейки. На Перекопском валу и Сальковском перешейке вырыто несколько окопов и натянута проволока – и это все. Такие укрепления не удержишь под пере-

⁶ Врангель, Петр Николаевич (1878–1928) – барон, один из главных руководителей Белого движения на юге России, генерал-лейтенант (1918). Участник русско-японской и Первой мировой войн, командир кавалерийского корпуса в чине генерал-майора. В Добрармии командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 года – Кавказской добровольческой армией. В декабре 1919 года – командующий Добровольческой армией. Отстранен Деникиным от должности и выслан за границу. С апреля 1920 года – преемник Деникина на посту Главкома ВСЮР. После поражения в северной Таврии и Крыму со значительной частью армии ушел за границу.

⁷ Драгомиров, Абрам Михайлович (1868–1956) – генерал-лейтенант, председатель деникинского правительства – Особого совещания при главнокомандующем.

⁸ Начальник штаба флота.

крестным артиллерийским огнем. И где, позвольте вас спросить, будут жить на перешейке войска? Ведь, кажется, время сейчас зимнее? Или вы не заметили?

– Придется в окопах, – обиженно ответил генерал Субботин.

– Ну далеко вы на своих укреплениях уедете! – желчно воскликнул Слащев. – Вероятно, дальше Черного моря...

Он обвел присутствующих взглядом. Под его горящими бледным огнем глазами крымские начальники поежились, как на ледяном ветру.

– Я поклялся удержать Крым, – сказал Слащев полным сдержанной ярости голосом, – и я его удержу. Это для меня дело чести. Фронт – моя забота, но для непоколебимого фронта мне нужен надежный тыл. Во-первых, для снабжения войск необходима железная дорога на Перекоп. Она должна быть выстроена за один месяц. Этого требуют нужды фронта, а тот, кто не понимает нужд фронта, возьмет винтовку и пойдет изучать их в окопах рядовым.

При этих словах и обыкновенно резкий голос Слащева достиг звучания скрежещущего на морозе металла.

– Второе, что мне нужно, – покончить с анархией и разрухой в тылу, покончить с шайками грабителей, наводнивших Крым, покончить с царящей в тылу вакханалией, со спекуляцией, охватившей все слои общества. Колебаний быть не может. Я должен обеспечить порядок в тылу любой ценой, не останавливаясь ни перед чем. – Слащев сделал паузу и полез было за чем-то в нагрудный карман френча, но одумался и продолжил: – Необходимо: во-первых, расчистить тыл от банд, и прежде всего от негодных начальников гарнизонов, в особенности потому что «рыба с головы воняет». Во-вторых, удовлетворить насущные нужды рабочих и крестьян, чтобы лишить их причин для бунтов. В-третьих, раздавить в зародыше все выступления против защиты Крыма. Средства для этого – удаление негодных начальников гарнизонов, от увольнения до смертной казни, создание отрядов для ловли дезертиров, уменьшение реквизиций и повинностей у крестьян.

В борьбе не может быть полумер! Если бороться, то бороться до конца, до предела – или бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба – ни мясо, ни белый – ни красный – это слабование и общественная слякоть.

Слащев закончил выступление и снова обвел взглядом участников совещания. Зрочки его сузились в булавочную головку, и оттого взгляд стал особенно страшен. Присутствующие угрюмо молчали. Пауза затягивалась. Наконец поднялся со своего места адмирал Ненюков, комфлота, подчиненный одному только Деникину, и решительно произнес:

– Я, безусловно, верю вам, господин генерал. Отдаю флот в ваши руки. Все, что вы мне прикажете, исполню.

Энергия и беспощадность Слащева сделали свое дело. Уже через месяц заработала железнодорожная ветка, обеспечивающая снабжение перекопских позиций. Инженера Соловьева, который заявил, что сделать эту работу в такой короткий срок невозможно, Слащев отстранил и назначил на его место энергичного и знающего путейского инженера Измайловского. Сняли запасные пути Евпаторийской ветки, и к февралю дорога пропустила первые составы. Поезда шли очень медленно, но это избавило Слащева от необходимости обременять крестьян подводной повинностью, вызывая их недовольство.

Суровые меры помогли навести относительный порядок в тылу, во всяком случае, никаких открытых беспорядков и саботажа не было.

Саму оборону крымских перешейков Слащев организовал следующим образом: в окопах он оставил маленькое охранение, часто сменявшееся, а основные силы корпуса разместил в теплых домах в деревнях неподалеку от перешейков. При подходе красных охранение должно было, не принимая бой, быстро отступить, дав тем самым сигнал основным частям.

Красные почти сутки должны были дебушировать⁹ по перешейкам под мощным артиллерийским огнем и, замерзшие и усталые, попасть под контратаку свежих слащевских частей.

К 21 января красные закончили блокирование перешейков. Назревал первый бой. В случае победы красных он означал окончательный захват ими Крыма, в случае победы белых – имел бы для них колоссальное моральное значение.

Никто в ставке не верил, что Слащев удержит Крым своими ничтожными силами, никто в тылу не верил в это – все сидели на чемоданах и искали любой возможности попасть на пароход. Да и в настроении войск произошла перемена. За время службы под командой Слащева эти части ни разу не потерпели поражения и шли за своим командиром куда угодно, но сейчас под влиянием общего развала Белой армии, под влиянием дезертиров и беглецов из армии Врангеля солдаты усомнились в успехе и возможности удержать Крым. Частая смена генералов лишила войска веры в командование, внушила опасения, что их бросят на милость победителя, а какова эта милость, все уже хорошо знали.

Стремясь поддержать моральный дух своих солдат, Слащев издал приказ, в котором заявил: «Вступил в командование войсками, занимающими Крым. Объявляю всем, что, пока я командую войском, из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

Слащев жаждал боя. Только его удачный исход мог дать ему полную власть над положением, власть над войсками, возможность бороться с разлагающимся тылом и возникшими в тылу красно-зелеными и прочими бандами.

Победа должна была оздоровить общественное настроение всего военного и гражданского Крыма.

Наконец на рассвете 23 января красные начали наступление на Перекоп. Выставленное на перешейке охранение – Славянский полк численностью всего сто штыков, как и предполагалось, бежал. Красные заняли вал и тянулись в перешеек. Двигаясь за Славянским полком на юг, они заняли Армянск и направились к Юшуню.

Слащев уверился в победе: красные играли по его сценарию.

Стемнело. Красным пришлось ночевать в открытом поле при двадцатиградусном морозе.

* * *

– У аппарата Деникин.

– У аппарата Слащев.

– Яков Александрович, по сведениям от англичан, Перекоп взят красными. Что вы думаете делать дальше в связи с поставленной вам задачей?

– Антон Иванович, красными взят не только Перекоп, но и Армянск. Защиту Крыма я считаю делом своей чести. Завтра враг будет наказан.

В тылу началась паника. В портовых городах пытающиеся уехать люди штурмовали пароходы. О сдаче Перекопа и Армянска было сообщено в газетах. Губернатор Татищев засыпал штаб телеграфными запросами о состоянии дел.

На рассвете 24 января красные вышли с перекопского перешейка и тут же попали под фланговый огонь с Юшуньской позиции. 34-я дивизия Слащева перешла в контратаку, в то же время оставленный красными в тылу Виленский полк ударил по ним с севера, следом пошла в атаку Донская конная бригада Морозова – тысяча шашек мощной лавой разлилась по перешейку, двигаясь к югу.

⁹ Дебушировать – преодолевать войсками ввиду неприятеля теснины, ущелья и т. п. с целью выхода на более широкое место, где можно развернуть войска.

В полдень Слащев продиктовал донесение Деникину: «Наступление красных ликвидировано, отход противника превратился в беспорядочное бегство, захваченные орудия поступили на вооружение артиллерии корпуса».

Охранение белых заняло прежнее положение. Остальные части разошлись по квартирам. Развитие наступления было запрещено ставкой.

Этот бой, небольшой по продолжительности, по занятому им пространству и по численности участвовавших в нем войск, сыграл огромную роль в Гражданской войне: он продлил ее еще на целый год, доказав правильность избранной Слащевым тактики, вернув войскам уверенность в своих силах и веру в своего командира, послужив основой удержания белыми Крыма и создав плацдарм для эвакуации остатков Добровольческой армии из Новороссийска и для создания из разбитых, разрозненных деникинских частей Русской армии генерала Врангеля.

Вечером 24 января Слащев в своем салон-вагоне диктовал приказы на следующий день. В самый разгар работы явился адъютант генерала сотник Фрост, очень исполнительный, но недалекий офицер, и доложил, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Озабоченный ситуацией губернатор звонил в течение дня каждые пять минут. Разумеется, штаб корпуса давно уже сообщил ему о победе, но Татищев хотел получить известие лично от командующего. Слащев, и всегда крайне желчный и раздражительный, взорвался: он занят делом, в его руках оборона Крыма, а ему досаждают по пустякам штатские паникеры – и резко ответил адъютанту:

– Что ж, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов!

Фрост, по всегдашней своей исполнительности, передал все слово в слово. Телеграфная лента же по случайности попала в руки репортерам, и началось! На Слащева посыпались жалобы и выговоры, дошло даже до Деникина, но фраза эта сделалась в Крыму ходячей.

В Керчи французы высадили всех своих временных пассажиров, кроме полковника Горецкого. Видно было, что союзникам не терпелось избавиться от этих «*russe terribles*». Капитан Жиро с презрительным выражением на холеном лице наблюдал за их высадкой и распорядился немедленно произвести на корабле генеральную уборку. Впрочем, вытерев с палубы следы грязных сапог, французские матросы не смогли убрать с миноносца неуловимое ощущение тоски, подавленности, отчаяния, оставленное на «Сюркуфе» солдатами разбитой и преданной деникинской армии.

Керчь кипела и бурлила. Улицы и набережные были полны озлобленными изверившимися добровольцами. Казаков попадалось мало – значительная часть донцов, не подчинившись приказу Деникина, ушла не в Новороссийск, а в Грузию, где правительство меньшевиков многих из них вскоре выдало красным, а некоторые кубанцы разбежались по своим домам.

Госпиталя и лазареты ломились от раненых, легких уже давно не брали, и они слонялись по городу в толпе однополчан. Вся эта голодная, почти неуправляемая масса, оборванная, почти безоружная, мало напоминала победоносную Добровольческую армию минувшей осени, едва не дошедшую до Москвы в героическом сентябрьском наступлении.

Проталкиваясь сквозь толпу на одной из приморских улиц, Борис увидел знакомое лицо.

– Осоргин! – окликнул он высокого бледного офицера в простреленной кавалерийской шинели.

– А, господин поручик! – Осоргин улыбнулся обычной своей кривой улыбкой, напоминающей волчий оскал. – Не рассчитывал здесь вас встретить! Думал, вы с вашим таинственным покровителем давно уже в Константинополе, а то и в Париже!

– Зря вы так, поручик! Я такой же солдат, как вы, и прошел всю эту кошмарную дорогу от Ценска до Новороссийска. Да и полковник, которого вы помянули, тоже здесь, в Крыму. Я только сейчас приплыл на «Сюркуфе»...

– А, так вас союзнички с комфортом доставили! А нас везли на «Святополке», как овец, друг к другу вплотную, не повернуться, не переступить. Человек сознание теряет, а упасть некуда – так и стоит со всех сторон сжатый... Может, и мертвые стоя плыли... Хорошо хоть перед посадкой не ели, не пили, а то ведь по нужде не выйдешь, почти двое суток терпеть пришлось!

– Мне кажется, об этой эвакуации наши отцы-командиры вовсе не подумали, – вставил Борис, вполне разделявший в данном случае знаменитую осоргинскую злобу. – Транспорт в Новороссийске не были готовы, а что и были – так стояли и ждали неизвестно чего...

– И вообще удивляюсь, как мы доплыли! – продолжал Осоргин. – На полпути попали под шальной огонь красного орудия, люди на палубе шарахнулись, и наша посудина чуть не перевернулась. Хорошо, капитан, решительный человек, так рывкнул на людей, что сразу панику прекратил. А снаряды красных все равно не долетали, чересчур далеко было.

– Значит, флотские командиры не виноваты в провале эвакуации. Все зло в высшем командовании, в генералах. Они в ответе за всех погибших, за всех оставленных на убой.

Осоргин посмотрел на Бориса заинтересованно, новыми глазами и, подойдя к нему ближе, вполголоса сказал:

– Я вижу, вы стали мыслить так же как я. Честно говоря, прежде я вам не доверял... Но впрочем... – И словно бросаясь в ледяную воду, он заговорил: – Есть человек, капитан Орлов. Он объединяет вокруг себя офицеров, которые больше не в состоянии терпеть генеральский произвол, бездарность, эгоизм. Он хочет создать новую армию, освобожденную от высокопоставленных предателей, которые думают только о себе, о своей шкуре, о своих богатствах, предавая подчиненных. Сейчас он в Симферополе, создал там отряд, контролирует положение в городе. Я собираюсь к нему. Едем со мной!

В это время к разговаривающим подошел Алымов. Борис повторил для него слова Осоргина, они переглянулись, и Петр сказал:

– Ну что ж, поглядим, что за птица этот Орлов.

В Симферополе царили относительный порядок и болезненное лихорадочное возбуждение. Молодые офицеры на каждом углу ругали Деникина и говорили о том, как славно будет воевать без предателей-генералов. Только два имени произносились с уважением: капитана Орлова, признанного лидера младшего офицерства, и генерала Слащева – победителя в перекопском бою, защитника Крыма, которого все признавали человеком чести и бессребреником. Капитан Орлов заявлял своим сторонникам, что Слащев – его единомышленник и что он, Орлов, действует с одобрения Слащева.

Прибыв в Симферополь, Борис и его спутники узнали, что Орлов совместно с членом императорской семьи князем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, взяли власть в городе в свои руки и арестовали военного коменданта, губернатора и находившихся в Симферополе генералов. Арест был произведен именем Слащева.

В тот же день из Джанкоя пришла телеграмма:

«НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИТЬ АРЕСТОВАННЫХ. ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРИКАЗА ВЗЫЩУ ЛИЧНО. ОТРЯДУ ОРЛОВА ПОСТРОИТЬСЯ ВОЗЛЕ ВОКЗАЛА ДЛЯ СМОТРА. ВЫЕЗЖАЮ В СИМФЕРОПОЛЬ.
СЛАЩЕВ».

* * *

Грязно-зеленый броневаягон медленно вылез из-за беспорядочного скопления товарных составов. Ряды орловцев заволновались.

– Не посмеют по своим стрелять! – выкрикнул кто-то в глубине строя.

Показался весь бронепоезд – короткий, без оружейных платформ. Тяжело лязгнув, он остановился, распахнулась блиндированная дверь, на перрон выпрыгнул солдат, откинул лестницу, и по ней быстрым шагом спустился высокий бледный человек с выпуклым лбом, ярко-красными губами и пылающим взглядом, в длинной шинели с золотыми генеральскими погонами. Широким тяжелым шагом, обметая ноги полами шинели, он устремился к взволнованным рядам добровольцев. Следом за ним едва поспевал молодой ординарец с нежным и одновременно жестоким лицом. Деревянная коробка «маузера» болталась на боку ординарца и била его при каждом шаге. Борис почему-то не мог отвести взгляда от этой коробки.

Генерал, стремительно прошагав на середину перрона, оказался против самого центра орловского отряда и яростным, обжигающим горло голосом заговорил:

– Солдаты! Сейчас, когда на крымских перешейках решается судьба России, когда третий корпус бьется там с огромной силой красных, когда дорог каждый штык, каждая шашка, каждый патрон, – сейчас вы находите возможным поднимать мятеж, отрывая меня с фронта, где я необходим, отрывая с того же фронта силы...

Внезапно генерал увидел в строю перед собой знакомое лицо. Выхватив узnanного человека взглядом, как железной рукой, он скомандовал:

– Прапорщик Унгерн! Выйти из строя!

Рыжий коренастый прапорщик, сильно хромая, но стараясь печатать шаг, вышел и остановился перед генералом.

– Прапорщик! Вы были со мной в Кубанском походе, были со мной в первом крымском десанте. Вы когда-нибудь видели, чтобы Слащев прятался от пуль?

– Никак нет! – чистым и радостным голосом выкрикнул Унгерн.

– Вы когда-нибудь видели, чтобы Слащев бросал своих солдат? Видели, чтобы Слащев отделял себя от армии, занимался интригами и мародерством, когда его солдаты проливали кровь?

– Никак нет! – ответил прапорщик еще громче и еще певучее, чем прежде.

– Так почему же сегодня вы с теми, кто не исполняет моих приказов?

Борис почувствовал, что у него на глазах творится черная магия. Слова Слащева не имели почти никакого смысла, но их интонация, горячий голос, которым они произносились, и само лицо молодого генерала так действовали на солдат и офицеров, что им невозможно было не верить. Ордынцев понял, что сейчас сам он готов делать все, что прикажет ему Слащев. То же самое выразил прапорщик Унгерн:

– Я всегда буду с вами, господин генерал! Нас возмутило предательское поведение старших начальников, ужас отступления и эвакуации...

– Вы солдаты, а не гимназистки! – прогремел Слащев, обращаясь уже ко всему орловскому отряду. – Солдат не может копить обиды! Он защищает Родину, исполняет долг и подчиняется командиру! Крым – последняя пядь русской земли, которую мы защищаем! Если вы верите мне, если вы верны присяге, идите на фронт, на Перекоп! Орлова передайте мне, я отдам его под суд, а сами – на фронт!

В рядах орловцев произошло замешательство, и раздался чей-то растерянный голос:

– Господин генерал, Орлов сбежал!

– Вы видите, какого человека хотели поставить над собой? – Слащев говорил, обращаясь к каждому в отряде. Голос его стал мягче и доверительнее, и от этого еще увеличился

его магнетизм. – Орлов – неудачник, не подвинувшийся за время войны выше капитана, но с самомнением и самолюбием наполеоновским. Я понимаю ваши чувства. Вас предавали многократно, но вы солдаты, и вы должны быть выше этого. Еще раз повторяю: никому из вас не будет предъявлено каких-то обвинений, вы были обмануты Орловым и его присными. Вернитесь в строй, исполняйте долг, защищайте Россию!

Красивый ординарец за спиной Орлова первым молодо и звонко закричал: «Ура!» – и весь отряд подхватил за ним.

Слащев оглядел строй, подозвал к себе старших офицеров, отдал распоряжение и вернулся в вагон. Его ждали на фронте.

Глава пятая

В Севастополе, на Корабельной стороне, на улице Николаевской в маленьком беленом домике с тремя окнами, выходящими на улицу, собиралось совещание подпольного комитета. Хозяин дома, одноногий сапожник Парфенюк, являлся одновременно участником подполья, считался надежным человеком и пользовался безграничным доверием товарищей. На нынешней явочной квартире собирались впервые. Раньше заседания проходили на Екатерининской в доме у вдовы околоточного Авдотьи Саламатиной. Домишко ее стоял в глубине сада, к тому же одна калитка выходила на Екатерининскую, а другая – в небольшой безымянный переулок, откуда без труда можно было проскочить на совершенно другую улицу, Варваринскую. И хотя сама вдова в силу своего положения бывшей жены околоточного доверия у комитета не вызывала, дом ее располагался очень удобно, так что подпольщики пользовались бы этим местом для встреч и дальше, если бы не случилось досадной неприятности, а именно: в доме напротив по той же Екатерининской улице открылся бордель. Теперь поздним утром скучающие девицы в неглиже выглядывали из окон и задевали прохожих, а также пилились на окна напротив, и, разумеется, от их нахальных глаз не ускользнул бы тот факт, что в домике вдовы собираются раза два в неделю посетители, преимущественно нестарые мужчины. Девицы могли бы заподозрить конкуренцию. А вечером на Екатерининской творился и вовсе форменный кошмар: подъезжали экипажи, слышались крики пьяных офицеров, визг девиц и хлопки шампанского. Словом, тихая Екатерининская улица совершенно перестала подходить для опасного дела, и пришлось срочно менять квартиру, чему вдова Саламатина безмерно огорчилась. Решили перебраться к Парфенюку, который в целях конспирации отправил жену в деревню.

Верхушка членов большевистского подполья состояла из девяти человек. Необходимо было иметь нечетное число членов, так как решения принимались голосованием.

Собирались поодиночке, петляя и оглядываясь по сторонам, чтобы не привести «хвоста». В качестве пароля сапожник выставил в одном из окон горшок женой пышно цветущей герани. Если герань спокойно розовела на мягком мартовском солнышке – значит, все в порядке и можно заходить.

Пятеро членов комитета были в сборе, ждали четверых, в том числе председателя товарища Макара. Хозяин на кухне разжигал самовар, хозяйственный Семен Крюков – рабочий из портовых доков, который занимался в основном агитацией, – вынимал из буфета чашки и колот сахар на мелкие кусочки. Двое, что заведовали подпольной типографией – Гольдблат и Якобсон, – держались в сторонке. Гольдблат рассматривал фотографии на стенке в одной общей рамке, а Гришка Якобсон – молодой кудрявый парень в черной сатиновой косоворотке, – скорчившись на стуле, читал книжку. Последний присутствующий в комнате – бывший унтер-офицер Иван Салов, он считался руководителем разведывательной работы среди военных – скучал у окна, изредка посматривая на улицу сквозь щелочку в занавеске.

– Что-то скучно мне! – Салов встал и потянулся с хрустом. – Ты бы, хозяин, водочки, что ли, на стол поставил, а то с ума сойти можно, дожидаясь.

Сапожник буркнул из кухни что-то неодобрительное и неразборчивое. Остальные никак не отреагировали на слова Салова, только Гриша Якобсон оторвался от книжки и подумал про себя, что таким, как Салов, сумасшествие не грозит, им сходить не с чего. Но вслух ничего не сказал.

Раздались легкие шаги, кто-то потоптался в сенях, и в комнату вошла, разматывая платок, Антонина Шульгина – товарищ Тоня, как звали ее в подполье. Она держала связь с другими организациями, с Ялтой и Симферополем.

– Здравствуйте всем! – весело проговорила она, блестя голубыми глазами.

Салов оживился, взгляд его подернулся масляной поволокой, он подскочил было к девушке, намереваясь помочь ей снять пальто, но глаза ее при виде Салова мигом потемнели не то от гнева, не то от какого-то нехорошего воспоминания, она твердо отвела его руку и отошла к столу, бросив мимолетный взгляд в осколок зеркальца на комод, который, как и пышно цветущая герань, говорил о том, что в маленьком домике на Николаевской улице в недалеком прошлом жила женщина, и следы ее пребывания еще не успели исчезнуть. В зеркальце отразились два синих Тониных глаза, чуть вздернутый нос и пухлые розовые губы на чистом лице. Чтобы мужчины не подумали, что она легкомысленная кокетка, Тоня поскорее нахмурила брови и отошла от комода.

Хлопнула дверь так, что домик содрогнулся, и, едва протиснувшись под низкую притолоку, вошел мужчина, обветренное красно-бурое лицо которого и старый бушлат говорили о том, что человек этот имеет отношение к морю.

– Кого ждем? – гаркнул он.

– Товарища Макара и этого, нового... – Салов поморщился, – как его... которого прислали...

– Борщевский, – назвала Тоня, – Антон Борщевский.

– Что за птица? – пробасил матрос.

– Прислали неделю назад из Симферополя для подпольной работы, – объяснила Тоня. – Ты, товарищ Кипяченко, на прошлом заседании не был, вот и не видел его. Мандат у него от Крымского подпольного комитета, от самого товарища Мокроусова.

– Фу-ты ну-ты! – фыркнул матрос, но заметил, как неодобрительно посмотрел на него пожилой Семен Крюков, рабочий из доков, и замолчал.

Оставшиеся двое подошли одновременно. Пока товарищ Макар неторопливо снимал в сенях свой белый полушубок, Антон Борщевский, достаточно молодой человек, смуглый, с черными длинными волосами, вбежал в комнату и не здороваясь напустился на хозяина:

– Вы что – с ума сошли?

– А что? – оторопел тот.

– Что вы сделали с окнами?

– Выставил опознавательный знак в виде цветка, как вы говорили на прошлом заседании.

– А занавески, зачем вы задернули занавески?

– Как зачем? Чтобы не было видно, чем мы занимаемся!

Борщевский сел на стул и сложил руки на груди.

– А вы, простите, по профессии – сапожник?

– Так точно, – отвечал Парфенюк, хоть ему и очень не нравился издевательский тон Борщевского.

– Так, стало быть, об эту пору, то есть днем, вы должны работать, то есть сапоги тачать?

– Оно конечно, – не мог не согласиться Парфенюк.

– А как, простите, вы можете работать, если все окна наглухо завешены?

– Ну, мил человек, – лениво протянул Салов, – что ты к нему пристал? Ну, может, он сегодня не работает, может, он в запое...

– А что тогда делаем здесь мы – вся компания? – рассердился Борщевский. – Стало быть, вот как это выглядит со стороны: в домик сапожника поодиночке собираются люди и что-то делают там при задернутых средь бела дня занавесках. Да тут не то что филер из контрразведки, тут самая глупая соседская баба сообразит, что дело нечисто!

В это время в комнате появился руководитель севастопольского подполья товарищ Макар. Росту он был невысокого, но плечи достаточно широкие, и это вкупе с неторопливыми движениями и негромким разговором производило впечатление какой-то скрытой силы. Чувствовалось, что человек этот твердо знает, чего хочет, но вот чего он на самом деле хотел, знал только он один, и никого в свои тайные мысли товарищ Макар посвящать не собирался.

Он спокойно разглядывал горячившегося и разговаривавшего на повышенных тонах Борщевского, и в маленьких, близко посаженных глазках его стояло непонятное выражение.

– Товарищи! – воскликнул Борщевский. – По-моему, вы недооцениваете всю важность подпольной работы. Осторожнее надо быть и аккуратнее, соблюдать конспирацию. Не нужно недооценивать контрразведку, там работают отнюдь не дураки!

– Ты к чему это клонишь? – вдруг зарокотал матрос. – В контрразведке, говоришь, не дураки, а мы, значит, дураки?

– А вы, собственно, кто, товарищ? – оглянулся Борщевский. – По-моему, мы раньше не встречались...

– Не встречались, – протянул матрос, разглядывая его в упор. – А жаль. И я, значит, буду Федор Кипяченко.

– Товарищ Кипяченко у нас руководит всей подрывной работой, – вставила Тоня, и от ее свежего звонкого голоса разошлись облака тревоги и неприязни, что начинали сгущаться в комнате. Борщевский протянул матросу руку, и тот пожал ее, чуть помедлив.

– Правильно говорит товарищ Борщевский, – донеслось с порога неторопливое, – аккуратнее нужно к работе относиться. Враг, товарищи, не дремлет. А сейчас раз все в сборе, то закрой, товарищ Парфенюк, двери и занавески отдерни. Пусть все знают, что нам скрывать нечего.

Когда все расселись и отхлебнули чаю, председатель комитета обвел присутствующих внимательным взглядом маленьких, близко посаженных глаз и начал негромко:

– Положение, товарищи, в городе очень тревожное. Работа комитета проводится успешно. Наши воззвания к войскам и населению печатаются часто и расклеиваются аккуратно на видных местах. Рабочие, товарищи, должны знать правду о положении на фронте, о наступлении красных. Вот, товарищ Гольдблат, – он достал из кармана и протянул руководителю типографии свернутый лист бумаги, – это последняя оперативная сводка белых о положении на фронтах. В ней сообщается, товарищи, о том, что на сторону красных переходят целые дивизии Колчака, о взятии его в плен. Как всегда, товарищ Гольдблат, сделай, пожалуйста, специальное добавление к сводке от нашего подпольного комитета, где разъясняется вся бесцельность дальнейшей борьбы с красными.

– Сделаю, – кивнул Гольдблат.

– Дальше, Семен Ильич, как у тебя в доках, какие настроения у рабочих?

– По-разному, – хрипло ответил Крюков, – но работаем, агитируем, на морском заводе есть толковые люди... Но надо бы оратора какого поголосистее, а то в прошлый раз прислали какого-то жидковатого.

– Вот Антонину возьми, у нее голос звонкий, – предложил Салов.

– Нет уж, – отмахнулся Крюков, – ты, дочка, не обижайся, но в порту тебе делать нечего, там народ уж больно охальный... Вот в рабочем клубе, что на Базарной, тебе можно, там люди посolidнее, будут слушать...

– Давайте, я пойду! – предложил Борщевский. – А то, я вижу, хромает у вас агитационная работа.

– Это можно, – согласился Крюков, оглянувшись на председателя.

– Теперь, товарищи, о главном, – продолжил Макар, – о подготовке к вооруженному восстанию. Обстановка сейчас для этого сложилась самая подходящая. Белые озабочены обстановкой на фронте, гарнизон в городе немногочисленный и состоит в большинстве из мобилизованных и пленных красных, среди них есть у нас проверенные товарищи и много сочувствующих. Салов, как у тебя дела? Формируешь проверенную группу, которая будет потом ядром гарнизона?

– Нормально все, – откликнулся Салов.

– А ты, товарищ Кипяченко, был на дредноуте «Воля», говорил с матросами о восстании?

Матрос всю предыдущую неделю посвятил общению с моряками, для этой цели он прочно обосновался в портовом кабаке. Приходили туда и матросики с «Воли», Кипяченко пил с ними и заводил беседы. В ходе этих бесед выяснилось, что на флоте очень много недовольных, потому что от водки языки у матросов развязывались и море становилось по колено.

– Теперь плохие новости, – продолжал товарищ Макар. – Наш человек, с которым мы посылали бриллианты в Новороссийск для того, чтобы нам достали оружие, пропал. То есть известно, что он прибыл на место, но вот что с ним произошло дальше – никто не знает. Я, товарищи, далек от мысли, что он оказался предателем и скрылся с камнями. Думаю, что он попался в руки контрразведки. Так или иначе, но мы остались без оружия, а без оружия, сами понимаете, ни о каком вооруженном восстании не может быть и речи. И тогда мы переходим к запасному варианту нашего плана.

– А я давно говорил, – поднялся со своего места Салов, – есть у меня верный человек, может помочь.

– Кто такой? – оживился Борщевский.

Он даже подался вперед и не заметил, как блеснули недовольством маленькие глазки товарища Макара. Впрочем, он быстро опустил их, так что перехватить его взгляд успела только Антонина, потому что смотрела на него не отрываясь.

Салов неодобрительно покосился на Борщевского и продолжал:

– Сотрудник артшколы, прапорщик Василий Губарь. Имеет возможность раздобыть документы, по которым нам выдадут на артиллерийском складе оружие и боеприпасы. Сам он из поповского сословия, но нашему делу сочувствует. Проводил я с ним беседу и в принципе предварительную договоренность имею. – Для придания веса своим словам Салов употреблял солидные обороты речи.

– А как вы с ним познакомились? – расспрашивал настырный Борщевский.

– Как-как, – помрачнел Салов, – известно как. Барышня одна меня с ним познакомила...

– Что за барышня, как зовут? – не отставал Борщевский.

– Слушай, может, тебе еще и адресочек дать барышни этой? – рассвирепел Салов. – Барышню Лелей зовут, и, между прочим, человек она мне не посторонний, жена вроде. А этот, Василий, – ее брат двоюродный.

– А раньше вы с ним не встречались? – продолжал Борщевский, ничуть не смущаясь. – Все же это как-то... ну, настораживает, что ли... Значит, как только вы упомянули при жене, что хотелось бы найти человека, который имеет связь с артиллерийскими складами, у нее сразу же обнаруживается сочувствующий нашему делу двоюродный брат, который готов помочь... Я правильно излагаю?

– Ну и что здесь такого странного? – вступил матрос Кипяченко. – В городе много сочувствующих коммунистам.

– Тут еще вот какой вопрос, – смущенно как-то заговорил Салов. – Помочь-то он поможет, но вот следует ему за это заплатить... «Колокольчиками» возьмет. Три тысячи рублей.

– Какой же это сочувствующий, ежели он за помощь денег просит? – недовольно высказался рабочий Семен Крюков.

Но Борщевский, услышав про деньги, совершенно успокоился и перестал задавать провокационные вопросы Салову. Зато товарищ Макар, до этого молчаливо кутивший, пошевелился и откашлялся, чем привлек к себе общее внимание.

– Положение, товарищи, очень серьезное. Оружие нам нужно как воздух. И при таком раскладе мы не можем отмахнуться от предложения товарища Салова. А что деньги для этого нужны, то и в Крымском крайкоме это понимают. Не зря они посылали нам деньги вместе с документами. – Он сделал паузу и в наступившей тишине посмотрел на Антона Борщевского.

Тот беспокойно задвигался, привстал было с места, но сел, твердо глядя в глаза Макару.

– Товарищ Борщевский, повтори вот тут для ранее отсутствовавших, как случилось, что деньги, которые тебе дал крайком, пропали.

– Повторяю еще раз, – вздохнул Борщевский. – Мы выехали из Екатеринослава. Там сейчас Крымский краевой партийный комитет размещается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.